

УДК 159.964
ББК 88.37 4
75

**Редакционный совет
серии «Гендерная коллекция - зарубежная классика»:**

*Бенедиктова Т.Д., Воронина О.А., Гениева Е.Ю., Дубин Б.В.,
Дробищева Л.М., Зверева Т.Н., Казавчинская Т.Я., Кон КС, Конкина Е.В.,
Ливергант А.Я., Петровская Е.В., Посадская-Вандербек А.И., Садовая
Н.Н., Самойло Е.Н., Сорокин А.К., Утешева Н.Т., Федорова Л.Н.,
Хасбулатова О.А., Чистяков Г.П., Юрьева Н.Ю., Ярыгина Т.В.*

Научный редактор *Н.И.Кизай*
Перевод с английского *Гиль Сон И*

Чодороу Н.

Ч 75 Воспроизводство материнства: Психоанализ и социология гендера / Пер. с англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия* (РОССПЭН), 2006. - 496 с.

ISBN 5-8243-0672-9

В своей книге Н.Чодороу делает попытку исследовать материнство как феномен и проанализировать, как оно воспроизводится от поколения к поколению. Главный вопрос исследования - каким образом женщина усваивает материнскую мотивацию и материнское поведение. По сути, это вопрос о том, как изменить существующее распределение труда по половому признаку, при котором материнские функции выполняет исключительно женщина. Автор попыталась написать социологическую работу, сохраняя при этом тонкость и сложность психоаналитического подхода. Книга адресована тем, кого интересуют проблемы неравенства в семье и полового неравенства, а также психоаналитикам - как приглашение обратить внимание на социологические и структурные основы того, что они наблюдают в основном в рамках индивидуальных клинических случаев.

ББК 88.37

© 1978 by University of California Press
© «Российская политическая энциклопедия».
Перевод на русский язык, 2006
© А.Б.Орешина. Художественное
оформление, 2006

ISBN 5-8243-0672-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Своим существованием этот проект обязан феминистскому движению и феминистскому сообществу, а своим происхождением — нашей группе, в которой несколько лет назад возник вопрос, что означает эта преемственность, когда женщину воспитывает женщина. Многие идеи появились у меня во время работы с членами группы, в которую входили пары мать—дочь.

Друзья, коллеги и учителя давали мне полезные советы, воодушевляли и критиковали меня все годы, что я работала над этой книгой. Многие внимательно читали черновики на разных стадиях и делали ценные замечания. Особенно хочу поблагодарить Эгона Биттнера, Джея Кантора, Маргарет Серулло, Роуз Лауб Козер, Барбару Дек, Барбару Истон, Джорджа Гётальса, Розабет Мосс Кантер, Мишель Зимбалист Розальдо, Лилиан Бреслоу Рубин, Нила Смелсера, Джудит Стейси, Барри Торна, Гвендолин Райт и Эли Зарецки за их важную, щедрую помощь и поддержку. Беседы с Самуилом Боулсом, Гербертом Гинтисом, Хайди Хартманн, Нэнси Джей и Эбби Вулфсон помогли мне мыслить яснее и укрепили мои позиции. Уильям Фридланд и Джон Китсьюз также внесли полезные предложения по поводу рукописи.

Профессиональный взгляд коллег был для меня очень важен. Критика Дэвида Плотке была весьма ценной интеллектуально и политически, он оказался также прекрасным редактором. Айлин ван Тасселл внесла много комментариев и предложений в разделы по биологии и уберегла меня от нескольких ошибок. Эгон Биттнер научил меня, как думать и писать о теории. Другие - Джордж Гётальс, Илзе К. Явец, Малках Нотман, Беннет Симон, Эдмунд С. Пэйн и Пол Л. Уотсон - научили психоаналитической теории и важности ее клинических основ. Кэрил Хашитани оказала мне особенную помощь в исследованиях. Диана Кетрозер выполняла роль эксперта, печатая рукопись. Джудит Бертон проделала громадную и неблагодарную работу по сведению воедино и печати примечаний в книге.

Майкл Рейк постоянно воодушевлял меня по ходу всего проекта. Он читал и подолгу обсуждал со мной бесчисленные черновики предложений, параграфов и глав. Конечный продукт несет на себе печать его внимательного и критического осмысления. Его поддержка и забота подрывают один из основных доводов этой книги.

Я принимала не все предложения и не всегда хорошо воспринимала то, чему меня пытались научить. Конечная от-

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Часть I. Постановка проблемы: материнство и социальная организация гендера	7
1. Введение	8
2. Почему детей воспитывает женщина?	18
3. Психоанализ и социология	54
Часть II. Психоаналитическая теория	71
4. Раннее психологическое развитие	72
5. Отношение к матери и материнское отношение	96
6. Гендерные различия в доэдипальном периоде	113
7. Объектные отношения и эдипальная структура у женщины	135
8. Разрешение эдипальной ситуации и ее повторение в подростковом возрасте	157
9. Фрейд: идеология и доказательство	170
10. Выводы о постэдипальной тендерной личности	191
Часть III. Тендерная личность и воспроизводство материнства	205
11. Социология пола взрослого	206
12. Психодинамика семьи	226
Примечания	261
Указатель имен	290

Чодороу Н.

**Воспроизводство материнства:
Психоанализ и социология гендера**

Редактор *Л.Ю. Панишина*
Художественный редактор *А.К. Сорокин*
Художественное оформление *А. В. Кубанов*
Компьютерная верстка *Ю.Н. Петрина*

Л.Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 18.11.2005
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 18,5. Тираж 2000 экз. Заказ №7045

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393. Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел. 334-81-87 (дирекция);
Тел./факс 334-8242 (отдел реализации)

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

11. Социология пола взрослого

Между супружеской парой и структурой занятости асимметричные отношения.

*Эти асимметричные отношения очевидно имеют чрезвычайно позитивное функциональное значение и в то же время являются * значительным источником напряжения для создания и за/ч/ления половых ролей.*

Толкотт Парсонс. Система родства в современных Соединенных Штатах

У мальчика и девочки по-разному развиваются способности к установлению отношений и разное чувство «Я» как следствие их воспитания в семье, где функции первичной! заботы о ребенке выполняет женщина. Тендерная индивидуальность подкрепляется различиями в процессах идентификации у мальчика и девочки, которые тоже вытекают из того, что первичную заботу о них осуществляла женщина. Различия в способности к установлению отношений и формах идентификации готовят женщину и мужчину к принятию взрослых тендерных ролей, согласно которым в обществе, основанном на тендерном неравенстве, женщине отводят место преимущественно в сфере репродукции.

Тендер: идентификация и ролевое научение

Социологи, изучавшие процессы тендерного ролевого научения и развития идентификации у мальчиков и девочек, единодушно утверждают, что асимметричная организация родительства, когда функции первичной заботы о потомстве выполняет женщина, является основной причиной значительных противоречий между процессами идентификации у женщин и мужчин¹. Предметом социологического исследования становится обучение подобающему гендерно-ролевому поведению — посредством имитации, прямого научения и наставления, когнитивных процессов обучения — вплоть до развития базовой тендерной идентичности и тендерной индивидуальности. Описываемые процессы кажутся универсальными в той мере, в какой любое общество построено вокруг возникающего

206

и * материнства женщины структурного расщепления на приятный, домашний мир женщины и публичный, социальный мир мужчины². Утверждают, что дети обоего пола всегда сначала идентифицируются с матерью, поскольку вначале всегда находятся рядом с матерью и поскольку роль женщины в семье и сущность женского более доступны для наблюдения и часто более понятны подрастающим детям по сравнению с мужскими ролями и сущностью мужского. Отсюда, процесс развития мужчины сложнее, чем женщины, из-за сложных изменений в идентификации, которые должен совершить мальчик для достижения ожидаемой от него тендерной идентификации и принятия тендерной роли. Мнение социологов резко отличается от принятого в психоанализе, где подчеркивают трудности развития женщины, при котором девочка совершает сложную трансформацию на пути к гетеросексуальному выбору объекта¹.

Все дети сначала идентифицируются с матерью, поэтому формирование тендера девочки и процессы тендерно-ролевой идентификации у нее продолжают самые ранние идентификации, в отличие от мальчика. Например, эдипальная идентификация девочки с матерью продолжает ее самую раннюю первичную идентификацию (а также находится в контексте ее ранней зависимости и привязанности). А вот эдипальный кризис у мальчика должен способствовать его идентификации с отцом. Кроме эдипальной и доэдипальной привязанности к матери, он отказывается и от первичной идентификации с ней.

Что специфично и верно для эдипальной идентификации, то верно и для более общей тендерной идентификации и гендерно-ролевого научения. Чтобы чувствовать себя достаточно мужественным, мальчик должен отделить и дифференцировать себя от других — должен определиться и отделиться от матери, чего не нужно девочке. Более того, он определяет мужественность скорее от противоположного, как нечто неженское и/или не связанное с женщинами, нежели позитивно³. Это еще один путь, которым мальчик приходит к отрицанию и вытеснению отношений и связей в ходе развития.

Эти различия сохраняются даже там, где социализация девочки и мальчика одинакова, где и те и другие ходят в школу, а повзрослев, работают, участвуют в жизни других, внесе-

Мера сложности мужского развития меняется, как и степень различий в процессах идентификации у мальчиков и девочек. Эти различия зависят от степени расщепления на публичное/домашнее в субкультуре или в обществе — от того, насколько мужчины, их работа и деятельность удалены от дома и, следовательно, для ребенка менее доступны мужественность и личные отношения со взрослыми мужчинами.

меинных объединений и институтов общества. Так как девочка воспитывается в семье, где мать присутствует больше отца и осуществляет главную заботу о детях, у нее есть возможность более прямо и непосредственно идентифицироваться с матерью и ее ролями в семье, чем у мальчика с отцом и мужчинами. Поскольку идентичность женщины остается преимущественно в рамках роли жены/матери, женщина передает свои ролевые навыки и ожидания, свой образ жизни следующему поколению с большей вероятностью, чем отец. В силу этой же логики больше передается от матери к дочери, нежели от отца к сыну. Эта идентичность может быть не вполне адекватной, поскольку дочери, скорее всего, придется провести большую часть жизни в работе, тогда как мать находилась в других условиях. Тем не менее, организация и идеология семьи все также воспроизводят гендерные различия и создают ожидание, что женщина, в отличие от мужчины, обретет первичную идентичность именно в семье.

Отсутствие отца в неполной семье, а также ставшее социальной нормой длительное отсутствие работающего отца не означает, что мальчик не учится мужским ролям или нормативному мужскому поведению. Нет доказательств и тому, что гомосексуальность у женщины связана с отсутствием отца⁴. Важно, насколько ребенок, независимо от тендера, может создавать личные отношения с объектом идентификации. Важны различия в вытекающих отсюда способах идентификации. Об этих различиях говорят Митчерлих, Слейтер, Уинч и Линн¹. Они полагают, что в современном обществе у девочки развивается личная идентификация с матерью и связь между аффективными процессами и ролевым научением — между развитием либидо и эго — характерна для развития женщины. Наоборот, у мальчика развивается позиционная идентификация с аспектами мужской роли. Для него связь между аффективными процессами и ролевым обучением разорвана.

Согласно Слейтеру и Уинчу, личная идентификация состоит в диффузной идентификации с личностью другого вообще, с его поведением, ценностями и установками. Наоборот, позиционная идентификация состоит в идентификации с определенными аспектами роли другого и не обязательно приводит к интернализации ценностей или установок другого человека. Слейтер считает, что дети чаще выбирают личную идентификацию, потому что она возникает из позитивных аффективных отношений с человеком, который рядом. Они прибегают к позиционной идентификации в крайнем случае, и преимущественно реактивно. Дети идентифицируются с воспринимаемо?

мой ролью или положением другого человека, когда недоступна личная идентификация.

В нашем обществе мать девочки присутствует в ее жизни так, как не присутствуют отец и другие взрослые мужчины в жизни мальчика. У девочки может развиваться личная идентификация с матерью, потому что у нее есть настоящие отношения с матерью, которые возникают из ранней первичной связи. Она узнаёт, что значит быть женственной, в контексте этой личной идентификации с матерью и часто с другими женскими моделями (с родственницами, учительницами, подругами матери, матерями друзей). Идентификация женщины может основываться на постепенном научении тому, как быть в близких отношениях в повседневной жизни, и научение это происходит на примере отношений с особенно близким человеком.

Мальчик должен пытаться развить мужскую тендерную идентификацию и научиться мужской роли вне продолжительных и непрерывных личных отношений с отцом (и в отсутствие постоянно доступной мужской ролевой модели). Позиционная идентификация происходит и психологическим, и социологическим образом. Из описания мужского эдипова комплекса ясно, что психологически мальчик присваивает лишь те компоненты мужественности отца, которые тот может обратить против него, он не идентифицируется диффузно с личностью отца. С социологической точки зрения, в семье без отца и в семье с регулярно отсутствующим отцом представление о том, что значит быть мужчиной, развивается у мальчика посредством идентификации с культурными образами мужественности и с мужчинами, которых мальчик выбрал в качестве модели.

Мальчика учат быть мужественным на более осознанном уровне, чем девочку — быть женственной. Когда отец или мужчины редко бывают рядом, девочку учат гетеросексуальным компонентам ее роли, тогда как мальчик усваивает свою гетеросексуальную роль без обучения, во взаимодействии с матерью⁶. И напротив, другие составляющие мужественности должны быть преподаны более сознательно. Мужская идентификация преимущественно является гендерно-ролевой идентификацией. Женская идентификация преимущественно *родительская*: «Мужчине свойственно идентифицироваться с культурным стереотипом мужской роли; женщине — с определенными аспектами роли собственной матери»⁷.

Процессы идентификации девочки более непрерывны, они включены в продолжающиеся отношения с матерью и опосредованы ими. Девочка продолжает развивать и выделяет

углубленные аффективные отношения с другими. Процессы идентификации у мальчика не так включены и не так опосредованы действительными аффективными отношениями с отцом. В то же время мальчик склонен отрицать идентификацию и отношения с матерью и отвергать то, что он считает женским миром; мужественность определяется не столько в позитивных терминах, сколько от противного. В процессах мужской идентификации особое значение обретает дифференциация от других, отрицание аффективных отношений и жестко определенные универсальные компоненты мужской роли. Процессы идентификации у женщины развиваются в отношениях, у мужчины — в отрицании отношений.

Эти различия вовсе не означают, что развитие женственности у девочки идет как по маслу, оно сталкивается с *другого рода* трудностями, чем развитие мужественности у мальчика. Женская идентификация, которую обретает девочка, и мужская идентификация, в которой мальчик продолжает сомневаться, имеют разную ценность. О мужественности и мужской роли мальчик (и часто девочка) фантазируют и идеализируют их в силу недостижимости, тогда как женственность и женская роль остается для девочки вполне реальной и конкретной. Требования к женщине часто противоречивы — например, быть пассивной и зависимой в отношениях с мужчиной и быть активной, быть независимым инициатором по отношению к детям. В контексте темы развития эго и объектных отношений, описанной в предыдущих главах, становится понятной особая сложность идентификации с матерью. Девочка идентифицируется и должна идентифицироваться с матерью, чтобы обрести взрослую женскую идентификацию и научиться взрослой гендерной роли. В то же время у нее должна развиться достаточно дифференцированная личность. Чтобы вырасти и ощутить себя в качестве отдельного человека, она должна преодолеть первичную идентификацию, сохраняя и создавая вторичную идентификацию.

Социологическое изучение американского общества показало, что у дочери возникают трудности дифференциации от матери и идентификации с матерью⁸. Слейтер пишет, что все формы личной идентификации с родителем (противоположного и того же пола) связаны с отсутствием психоза или невроза, кроме личной идентификации дочери с матерью. Джонсон пишет, что идентификация мальчика с отцом связана с психологическим приспособлением, девочки с матерью — нет. Вывод из обоих исследований такой, что у девочки, как и у мальчика, может быть слишком много от матери. Девочке легко, может

быть даже слишком легко, обрести женскую тендерную идентификацию*.

Процессы тендерной и гендерно-ролевой идентификации в данном описании соответствуют картине развития психической структуры, которую я обрисовала в предыдущих главах. Они усиливают и повторяют описанные мною последствия развития объектных отношений и эго. Внешне и внутренне женщина вырастает и остается более связанной с другими. Более межличностными, глубинными и аффективными являются не только роли, которым учится девочка, по сравнению с ролями мальчика. Процессы идентификации и ролевого научения у девочки тоже углубленные и аффективно окрашенные — они включены в межличностные отношения с матерью. У мальчика процессы идентификации и ролевого научения не столько включены в отношения с отцом или мужчинами, сколько состоят в отрицании аффективных отношений с матерью. Эти процессы у мальчика более определены ролью и культурой и состоят в абстрактном, или категорическом, ролевом научении, а не в личной идентификации.

Семья и экономика

Склонность к отношениям у женщины, отрицание отношений и четкое самоопределение у мужчины соответствуют разному участию женщины и мужчины во внесемейном производстве и семейном воспроизводстве. Роль женщины в основном домашняя, она основана на поддержании личных аффективных связей. Из такого положения женщины в семье и предположения, что оно исключительно и первостепенно и так и должно быть, вытекает общественное представление о женщине и специфическое отношение к ней в этом обществе, в частности на рынке труда. Исключительность и первостепенность приватной сферы в предназначении женщины выводится из биологической разницы полов. Наоборот, роль мужчины в нашем обществе помещает его вне семьи. Даже когда мужчина стремится быть мужем и отцом, а большинство мужчин действительно исполняют эти роли, представления о мужчине и определение мужественного выводятся преимущественно из внесемейных ролей мужчины. Место женщины главным образом в системе «пола/тендера»; место мужчины — в организации производства.

* Вспомним также у Дойч описание редких попыток девочки доподросткового возраста разорвать идентификацию с матерью.

Можно переформулировать сказанное выше, чтобы подчеркнуть: жизнь женщины и мнения о женщине помещают ее в сфере социального взаимодействия и личных отношений, а для мужчины все обстоит иначе. И хотя мужчина и женщина участвуют и в семейной, и во внесемейной жизни, половое разделение труда таково, что женщина привязана в первую очередь к семье — институту отношений, — а мужчина нет. В нашем обществе женщину в первую очередь определяют как жену и мать, т.е. определяют ее через углубленные отношения к кому-то еще, мужчину определяют в первую очередь в универсальных терминах профессии. Более того, роли и семейные функции женщины особенно подчеркивают аффективные отношения и аспекты семейной жизни. В главе 1 я писала, что роли матери и жены связаны с эмоционально-психологическими функциями, работа женщины — это «работа чувств»⁹. Наоборот, в профессиональной роли и вообще в профессиональном мире мужчины нет места аффекту и глубокой привязанности. Две взаимосвязанные роли женщины, ее двоичное отношение к мужчине и детям, повторяют интернализированный ею треугольник детства — попеременное участие в отношениях мужчины и женщины и в отношениях матери и ребенка.

Соотношение между ролями жены и матери, а также ответственность женщины в семье за аффективно-зависимые функции получают дальнейшее подкрепление в том, как семья, в социальном плане, относится к внесемейному миру. Парсонс и многие теоретики феминизма считают, что профессиональная роль именно мужа/отца в основном определяет классовое положение и статус всей семьи. С этим, кажется, согласны социологи, которые измеряют социоэкономический статус по профессии *отца* и его образованию. Так, муж/отец формально представляет семью и обеспечивает ей место в обществе. И хотя все чаще в семье доход обеспечивается обоими супругами, классовая позиция, с идеологической точки зрения, зависит от того, чем занимается супруг. Соответственно жена в глазах общества получает статус и классовое положение в основном от мужа, даже если она работает и вносит свой вклад в поддержание семейного уровня жизни. Ее воспринимают как представителя семьи, ее мужа — как независимого человека.

Роль жены и матери сказывается на развитии личности женщины и другим образом, как следствие фундаментально различных способов организации современной системы «пола/тендера» и современного капитализма. Деятельность жены и матери по определению не имеет границ. Она состоит из многочисленных обязанностей, как могут подтвердить все домохо-

зяйки и как описывают поэтессы, писательницы и феминистки. Деятельность женщины в доме заключается в непрерывной связи с детьми, в заботе о них, в настроенности на потребности взрослого мужчины. Все это требует связи с другими, а не отделенности от них. Работа по поддержанию и воспроизводству семьи характеризуется циклической и рутинной непрерывностью, в ней нет определенной логики, последовательности или поступательного движения. Наоборот, работа в рядах рабочей силы - «мужская работа» — имеет конкретные ограничения, она определена и очерчена, исходит из представления о продвижении и результате.

Даже когда мужчины и женщины меняются сферами деятельности, их роли остаются различными. В семье быть мужем и отцом — не то, что быть женой и матерью; чем больше женщина занимается семьей, тем меньше это делает мужчина. Парсонс, может быть, слишком резко описывает инструментальную роль мужчины в семье, но он указывает в верном направлении. Первая обязанность отца — «обеспечивать» семью денежными средствами. Его эмоциональному вкладу редко придают равноценное значение. Мужская работа по дому, за редким исключением, определяется гендерными стереотипами. Когда мужчина выполняет «женскую» работу по дому - моет посуду, ходит за покупками, укладывает детей спать, - эту деятельность часто организует и передает ему жена/мать, которая несет за нее главную ответственность (мужчина «помогает сидеть» с собственными детьми, тогда как у женщины это непосредственная обязанность). Мужчина занимается детьми для создания у них «независимости»¹⁰. Этому способствуют предшествующая социализация самого отца, которая была направлена на вытеснение и отрицание отношений, и его настоящее положение в мире публичном, где отношения неглубоки. Как дети воспринимают отца «под влиянием принципа реальности»¹¹, так и отец больше, чем мать, склонен воспринимать ребенка как отдельного человека.

Вне семьи женские роли и представление о женщинах больше связаны с идеей отношений, чем мужские роли и представления о них. Работа женщины в рядах наемной силы является продолжением ее роли домохозяйки, жены или матери и расширением ее обычного попечения о личных и аффективных связях (в качестве секретаря, работницы в сфере услуг, домработницы, сиделки, учительницы). Работа мужчины в качестве

* Осознают его как отдельного человека скорее вербально, чем довербально.

ремесленника, оператора, техника менее эмоционально окрашена.

Розальдо утверждает, что все эти аспекты положения женщины универсальны¹². Она полагает, что женские роли являются не такими публичными или «общественными», что им в меньшей степени присущи языковая и институциональная дифференциация, взаимодействие женщины основано на принципе родства и проницаемости границ между поколениями. Взаимодействие же мужчины остается в рамках одного поколения и пересекает границы родства, строясь на основании универсальных категорий. Женские роли основаны скорее на личных, чем «общественных» или «культурных» связях. Отсюда следует, что они обычно подразумевают влияние в личном контексте лицом к лицу, а не посредством узаконенной власти в универсальном и заданном властью контексте. Наконец, женские роли и навязанный им биологический символизм воздействуют принцип пересечения границ: женщина является связующим звеном между социальными и культурными категориями, которые заданы мужчиной; она соединяет и обеспечивает переход — особенно в представительской роли жены и матери — между природой и культурой.

Женщину определяют главным образом в социальных терминах репродукции и «пола/гендера», а также ее роли в доме. Чтобы играть эту роль, ей требуется самоотверженность, лояльность и внимание к частностям, поглощенность аффективными целями и связями. Характерной чертой ее деятельности является многообразие и безграничность. Мужская профессиональная роль и место мужчины в первую очередь в сфере производства заданы универсально и определены навек, они меньше связаны с чувственным восприятием. Такое экономическое, политическое понимание его роли вне отношений определяет всю жизнь мужчины. Создание у женщины личности, ориентированной на отношения, а у мужчины — личности, которую определяют универсальные связи и вытеснение отношений, одновременно соответствует этим ролям и способствует их воспроизводству.

Материнство, маскулинность и капитализм

В современном капиталистическом обществе материнство как роль женщины в изолированной нуклеарной семье создает у мужчины определенные личностные характеристики. Они воспроизводят представление и психодинамику мужской»

превосходства и подчинение требованиям производства. Материнская роль женщины готовит мужчину к жизни в семье и обществе с мужским доминированием, к меньшему эмоциональному участию в семейной жизни и к большему участию в капиталистическом мире труда.

Мужчина развивается в семье, где женщина выполняет материнские функции, а отец практически не участвует в уходе за ребенком и в семейной жизни. Он развивается в обществе, которое характеризуется половым неравенством и идеологией мужского превосходства. Эта двойственность находит отражение в семье. В семейной идеологии отцу обычно приписывают важную роль и считают его главой семьи. Жена сосредоточивает все силы и заботу на муже или, по крайней мере, думает и говорит, что поступает именно так. Обычно жена думает или, по крайней мере, заявляет, что любит мужа. Мать представляет детям отца как значимого для нее человека, которого она любит, и зачастую даже создает для детей образ отца в попытке компенсировать то обстоятельство, что дети не могут так же хорошо узнать его, как мать. В то же время она может контролировать и во многом ограничивать мужа, реагируя на его положение социального превосходства или власти в семье.

Для мальчика мужественность выглядит менее доступной и достижимой, чем женственность, представленная матерью. Мать является для мальчика первым близким человеком. В то же время мужественность идеализируют и приписывают ей превосходство, отчего она становится еще более желанной. Хотя отец не играет большой роли в повседневном взаимодействии, мать и дети часто идеализируют его и наделяют превосходством именно из-за его отсутствия и кажущейся недоступности, а также из-за организации и идеологии мужского доминирования в обществе в целом.

Мужественность приобретает значимость, какой нет у женственности. Мужественность становится значимой не из-за особенностей мужской биологии и не потому, что мужские роли изначально сложнее, чем женские. Мужественность становится значимой как следствие положения мальчика в семье — следствие того, что в самом начале о нем заботилась мать. Дети обоего пола представляют мать регрессивной и недостаточно автономной. Мальчик связывает эти свойства со своей гендерной идентификацией. Зависимость от матери, привязанность к ней, идентификация с ней представляют все не-мужское; мальчик должен отвергать зависимость и отрицать привязанность и идентификацию. Научение мужской тендерной роли становится гораздо более ригидным, чем женской. Мальчик

вытесняет те качества, которые он считает в себе женскими, оī отвергает и обесценивает женщин и все, что он восприним<к как женское в социальном мире.

Таким образом, мальчик определяет и пытается создать снос ощущение мужественности большей частью по принципу отрицания. Учитывая неуловимость мужественности, для мужской идентичности становится важно, чтобы некоторые социальные виды деятельности определялись как мужские и вышестоящие и чтобы женщины считались неспособными делать многое, что определяется как социально важное. Утверждается мнение, что экономический и социальный вклад женщины и мужчины мс может быть одинаковым. Безопасное участие в определенных отраслях, которые упорно считаются вышестоящими по отношению к материнскому миру детства, становится важным для определения мужественности и для мужской тендерной идентификации мальчика¹³.

Фрейд описывает происхождение мужественности в период эдипального кризиса. Борьба мальчика за свое освобождение от матери и становление мужчиной порождает «презрение мужчины к слабому полу»¹⁴ — «то, что мы считаем нормальным мужским презрением к женщине»¹⁵.

Дети обоего пола учатся испытывать негативные чувства к матери во время эдипального периода. Однако отрицательные чувства девочки — это не столько презрение и принижение, сколько страх и враждебность: «Неспособная на такое презрение в силу схожести собственной природы, маленькая девочки освобождается от матери с гораздо большей долей враждебности по сравнению с враждебностью мальчика»¹⁶. Презрение мальчика служит освобождению не только от матери, но и оī женственности внутри себя самого. Презрение к женскому смешивается с темой мужественности и распространяется нл всех женщин. Враждебность девочки касается больше отношений с матерью (и/или оборачивается самоуничижением).

Эдипов комплекс мальчика прямо связан с темой мужественности, а принижение женщин является его «нормальным» следствием. Принижение матери или враждебность к матери могут быть частью эдипова комплекса девочки, но тут его «нормальное» следствие состоит в принятии ее собственной женственности и идентификации с матерью. Каким бы ни было индивидуальное решение женского эдипова комплекса, он не получает такого завершения, как у мальчика.

Фрейд «объясняет» появление презрения к матери у мальчика тем, что он видит генитальные различия между ними, в частности «кастрированность» матери. Фрейд считает, что та-

кое восприятие у мальчика не опосредовано социальным опытом и не нуждается в дальнейшем объяснении. Как отмечали многие исследователи, Фрейд не рассматривал возможность, что подобная оценка различия и последующее презрение неестественны. Анализ «Маленького Ганса» предоставляет самые прямые (из сообщенных) доказательства, какие были у Фрейда для такого рода предположений. Но и он показывает, что на самом деле отец Ганса создавал и поддерживал убеждения сына — убеждение в неполноценности женских гениталий, отрицание женской роли в беременности и родах, мнение, что у мужчины кое-что есть, а у женщины ничего нет. Он не объяснял мальчику, что у женщины есть что-то другое¹⁷.

В отличие от Фрейда, Карен Хорни считает, что мужское презрение к женщине и принижение женщин требует объяснения с точки зрения взаимодействия и развития¹⁸. Она полагает, что в мужском презрении и принижении женщин проявляется более глубокий «страх перед женщинами» — страх мужчины и ужас перед материнским всемогуществом, которые возникают вследствие того, что о них заботилась и их социализировала женщина. До этого психоаналитики подчеркивали страх мальчика перед отцом. Хорни говорит, что эти страхи слабее и поэтому их не нужно сильно вытеснять. Испытывая страх перед матерью, мальчик не реагирует на полный и непостижимый контроль отца над жизнью ребенка, поскольку у ребенка нет ментальных способностей, чтобы постичь это: «Страх перед отцом — более ошутимый и менее жуткий по качеству»¹⁹. Более того, так как отец тоже мужского пола, страх мальчика перед мужчиной не рождает принятия женской слабости или зависимости от женщины: «В этом смысле мужская самооценка страдает меньше»²⁰.

А вот страх перед матерью амбивалентен. Хоть мальчик и боится ее, но в то же время считает соблазнительной и привлекательной. Он не может так просто отказаться от нее и не обращать на нее внимания. У мальчика и у мужчины развиваются психологические и культурные/идеологические механизмы, чтобы справляться со страхами, не отказываясь при этом совсем от женщины. В результате появляются народные легенды, верования и стихи, которые отводят страх, отчуждая и объективируя женщину: «Это не я ее боюсь; это она сама злая, способная на любое преступление, хищница, вампир, ведьма, ее желания ненасытны... ее олицетворение зловеще»²¹. Они отрицают страх, но утрачивают реалистическое восприятие женщины. С одной стороны, они обожают и прославляют ее: «Мне вовсе не нужно бояться такого чудесного, прекрасного, более

того, такого святого существа»²². С другой стороны, они поносят женщину: «Если присмотреться, было бы смешно бояться такого жалкого создания»²³.

К сожалению, Хорни не указывает на последствия огромной власти матери для развития девочки. Тут можно привести отмеченное мною ранее различие. У девочки тоже может развиваться страх перед матерью. Но этот страх не связан с установлением тендера. Поскольку она сама женского пола и, предположительно, не чувствует себя ужасной или страшной, а даже наоборот, то скорее всего страх девочки не распространится на всех женщин. Кроме того, девочки и женщины переживают все это в обществе с мужским доминированием. Поэтому, чего бы ни боялась отдельно взятая женщина, это переживание вряд ли обретет нормативный или культурный статус.

Хорни считает, что страх перед женщиной и принижение женщин, а также утверждение мужского превосходства являются универсальными. Такое заявление требует дальнейшего уточнения, так как в разных обществах — разная сила «страха перед женщинами» у мужчин и разная по силе потребность в утверждении мужского превосходства²⁴. Хорни заметила страх перед женщиной, потому что он был очевиден в ее культурном сообществе. Современные тенденции в организации семьи породили отношения матери и сына, которые приводят к страху перед женщинами и презрению к ним. Патриархальная власть и роль отца в семье уменьшились вследствие сокрушительной потери мужчиной автономии на рабочем месте и вследствие большей подчиненности его жизни требованиям работы (бюрократической работы служащих и управляющих, получающих заработную плату, или труда пролетаризированных ремесленников и мелких предпринимателей)²⁵.

Грета Бибринг представляет убедительные клинические данные. Она описывает отцов и матерей в «матриархальных» семьях США*²⁶. По словам взрослых сыновей и дочерей (пациентов Бибринг), их матери были активными и сильными, успешно управляли своим домохозяйством и вообще казались увереннее в себе и компетентнее, чем отцы. Последние не принимали участия в работе по дому и в семейной жизни. (Здесь Бибринг говорит о работающих мужьях, принадлежащих к среднему классу и его верхушке. Но, видимо, это можно отнести и к домохозяйству рабочего класса, где работа отца надолго

* В противовес Бибринг Хоркхаймер полагает, что в Германии, по крайней мере, спад действительного авторитета отца и его власти сопровождался усилением того, что мы бы назвали псевдо-авторитетом.

отлучает его от дома, изнуряет его и где большая часть социальной жизни подвержена половой сегрегации.)

«При ближайшем рассмотрении кажется, что во всех этих случаях отец по сути не участвовал в воспитании своих детей, что социальные и моральные нормы, религиозные и эстетические ценности по большей части передавались детям через мать. То же верно и для поощрения и наказания. Постановка задач развития и наблюдение за развитием мальчика — дело матери. Во всех этих случаях отец появляется скорее как дружелюбный наблюдатель, чем как значимый участник», — подводит итог Бибринг²⁷.

Сыновья в этих семьях описывали мать как отвергающую, наказывающую, честолюбивую и холодную. А вот женщины, которые выросли в такой «матриархальной» обстановке, меньше отвергали женскую роль, чем пациентки из патриархальных семей. Опираясь на конкретные описания материнского поведения, Бибринг приходит к выводу, что матери этих сыновей были заботливыми и ответственными и скорее «отсутствие» отца, а не какие бы то ни было действия матери явились «главным фактором в создании таких установок у сыновей»²⁸. Какова бы ни была социальная реальность и как бы ни вела себя мать, у этих сыновей было просто «слишком много» матери²⁹.

В такой ситуации сын неизбежно подвергается гиперстимуляции со стороны матери и злится на нее за это. Он и восхищается ею, и боится ее, воспринимает ее и как соблазняющую, и как отвергающую. Мать в таком случае может отвечать сыну взаимностью и поощрять его инцестуозные желания и желание инфантильной зависимости. Как пишет об этом Бибринг, мать «столько же нуждается в муже, сколько сын — в отце»³⁰. Более того, поскольку нет посредника для эдипальных желаний сына — нет отца, чтобы защитить его, — желания мальчика нарастают. Он часто проецирует на мать и желания, и страхи, которые рождены желаниями, превращая ее в искусительницу и преследовательницу одновременно. Эти страхи остаются у сына и во взрослой жизни, он и тогда воспринимает мир как полный «опасных, холодных, агрессивных женщин»³¹.

Матери становятся «слишком много» вследствие относительного отсутствия отца и почти исключительно материнской заботы о потомстве, которую осуществляет женщина, ведущая изолированное существование в нуклеарной семье. Отсюда возникают злость на женщину и страх перед ней, а также потребность в нестрашной, нетребовательной, зависимой, даже инфантильной женщине — женщине, которая «проста, а потому безопасна

и тепла»³². По причине этих же процессов мужчина отвергает, обесценивает и даже высмеивает женщину и все женское.

Исключительная материнская роль женщины порождает у мужчин психологический и идеологический комплекс второсортности женщины и полового неравенства. Женщина с раннего детства заботится о ребенке и обеспечивает его дальнейшую социализацию. Отца нет дома, деятельность мужчин в целом переместилась за пределы семьи, а деятельность женщин сосредоточена в семье — вот почему у мальчиков трудности в обретении стабильной мужской гендерно-ролевой идентификации. Мальчик фантазирует о мужской роли и об отце, он их идеализирует, а общество закрепляет желательность этого.

Если учесть, что мужчины контролируют не только главные социальные институты, но и само определение и строение общества и культуры, понятно, что у них есть власть и идеологические средства для навязывания этих представлений в качестве общественной нормы, и они вменяют друг другу ответственность за поддержание этих норм. (И тут дело не только во власти и силе. Поскольку эти нормы наделяют мужчину сверхценностью, мужчинам выгодно их поддерживать³³.) Структура родительства создает идеологические и психологические предпосылки воспроизводства у отдельного мужчины направленности на мужское доминирование и обеспечивающие его структуры. Такая структура родительства вводит представление о мужском превосходстве в само определение мужественности.

То же вытеснение, отрицание аффекта и привязанности, отвержение мира женщин и всего женского, присвоение мира мужчин и идентификация с отцом, которые создают психологию мужского превосходства, обуславливают и участие мужчин в капиталистическом мире труда. Накопление капитала и выработка хороших профессиональных навыков у рабочих никогда не были предметом только экономики. Переход к капитализму опирался на определенные характеристики личности и систему поведения. Капиталисты культивировали внутреннюю целеустремленность, рациональное планирование и организованность, а у рабочих развилось желание приходить на работу в определенные часы и стабильно работать независимо от того, нужны им в этот день деньги или нет.

Возможно, психологические качества даже выходят на первый план по мере распространения бюрократии и иерархии: в современном капитализме на разных уровнях бюрократической иерархии требуются разные черты личности³⁴. За работой " Конечно, может быть, такие же характеристики применимы для любого бюрократического и иерархического строя (например, в СССР и Восточной

более низкого уровня часто прямо и постоянно следят, ее лучше всего выполняют люди, которые охотно подчиняются правилам и руководству. Работа выше по иерархии требует большей надежности и предсказуемости, способности действовать без прямого и продолжительного наблюдения. На технических, квалифицированных или управленческих должностях рабочие должны по собственной инициативе выполнять задачи и разделять ценности организации, на которую они работают, делая эти задачи и ценности своими собственными. Часто они должны уметь использовать межличностные способности как навык. Ценности и навыки воспитания детей (насколько они выражают ценности родителей) отражают эти различия: родители из рабочего класса больше ценят в своих детях послушание, подчинение внешней власти, аккуратность и другие «поведенческие» характеристики; родители из среднего класса подчеркивают более «внутренние» и межличностные характеристики, как, например, ответственность, любознательность, способность себя мотивировать, самоконтроль и предупредительность³⁵.

Эти качества поведения и личности различаются в зависимости от требований работы разного уровня. Но у них есть одно важное сходство. Подчинение правилам поведения и внешней власти, предсказуемость и надежность, способность перенимать ценности и цели других людей как свои собственные — все это отражает внешнюю по отношению к себе и к собственным стандартам направленность, отсутствие собственной автономной и творческой направленности. Нуклеарная, изолированная, живущая вдалеке от родни семья как раз подходит для производства детей с такими «межклассовыми» чертами личности и способностями.

Последователи Парсонса и ученые из Франкфуртского института социальных исследований обратились к психоанализу, чтобы показать, как в современной семье положение отца и матери по отношению друг к другу способствует развитию у мужчины молчаливого согласия с капиталистическим доминированием". Они попытались показать, как семья учит муж-

Европе); но в работе, на которую я ссылаюсь, исследовался только капиталистический Запад, особенно Соединенные Штаты.

" Я тут не имею в виду, что психологический подход полностью объясняет воспроизводство рабочих. Люди идут работать главным образом потому, что им нужно работать, чтобы жить. Семья создает психологические основы молчаливого согласия работать и обучаться профессиональным навыкам. Понятно, что социализация работы никогда не бывает достаточной для преодоления сопротивления этому, даже под давлением школ и других институтов социализации.

чину подчиняться власти, принимать участие в отчужденном труде, ориентироваться на достижение как таковое³⁶. Взаимодополняющие подходы этих авторов объясняют развитие черт личности, которые необходимы в разных стратах, подчеркивая недостаток внутренней автономии и подверженность манипуляции. Но различия в акцентах указывают на разнообразие и внутри страт. Последователи Парсонса больше интересуются тем, как семья из среднего класса готовит мальчика к поприщу бюрократа, представителя свободной профессии, инженера и менеджера. Ученые из Франкфуртского института больше пишут о происхождении черт характера, свойственных рабочему классу. Последователи Парсонса начинают с усиливающегося влияния матери и ее сексуализированного отношения к ребенку мужского пола. Ученые из Франкфуртского института начинают с исторической составляющей, со снижения роли отца и его растущего отдаления, эмоциональной и физической недоступности и потери власти в семье.

Парсонс считает, что в американских семьях, где матери не с кем установить первичные эмоциональные отношения, она развивает взаимные эротические отношения с сыном* — которыми может затем манипулировать. Она может любить, поощрять и фрустрировать его в подходящие моменты, понуждая к отсрочке удовольствия и сублимации или к вытеснению эротических потребностей. Эти близкие, исключительные, доэдипальные отношения матери и ребенка развивают у сына в первую очередь зависимость, создавая мотивационную основу для раннего научения и потребность в зависимости от других. Когда мать «отвергает» сына или подталкивает его к независимости, у него все равно остается сильная зависимость, которая создает в нем общую потребность удовлетворять и подчиняться в отношениях с другими, а также сильное стремление к независимости. Так мать, живущая в изоляции и при постоянном отсутствии мужа, создает в сыне псевдонезависимость, маскирующую действительную зависимость, и общее ощущение, что он должен «преуспевать», а не добиваться достижения определенных целей. Это общее чувство затем обслуживает достижение разнообразных специфических целей — целей, которые сам мужчина не ставит перед собой. В современной семье эдипов комплекс создает

Парсонс и его коллеги говорят об отношениях «мать—ребенок». При этом они сосредоточены на эротической, эдипальной привязанности в качестве мотивирующей и на развитии черт характера, которые свойственны мужской способности работать и не присущи женским экспрессивным ролям. Поэтому можно сделать вывод, что ребенок, которого они имеют в виду, мужского пола.

«"диалектические" отношения между зависимостью, с одной стороны, и независимостью и достижением — с другой»³⁷.

В ранний период капиталистического развития индивидуальные цели были важны для большинства мужчин, а предпринимательские достижения, как и рабочая дисциплина, опирались больше на внутреннюю моральную установку и на вытеснение. Эта внутренняя направленность вырабатывалась в семье, где зависимость не была такой сильной, а связь матери и ребенка такой исключительной. Сегодня, за очень редким исключением, индивидуальные цели подменяются целями многоуровневых организаций: «Достижение цели больше не может полагаться на индивидуальную ответственность и не может быть прямо обозначено для индивида в качестве подготовки к роли»³⁸. Современная семья, в которой зависимость в отношениях матери и ребенка приводит к манипуляции, где целеустремленность подменяется установкой на успех, а не на внутренние цели и стандарты, приводит к появлению личности, «которая стала податливым материалом для исполнения функций, заданных обществом»³⁹.

Слейтер развил положения Парсонса. Он считает, что у человека, который начинает жизнь всего лишь с одним или двумя эмоциональными объектами, развивается «желание положить все яйца в одну корзину», т.е. привязать все переживания к одному объекту⁴⁰. У мальчика, который растет в американской нуклеарной семье среднего класса, именно такой опыт*. Он получил от матери огромное удовлетворение, несравнимое с тем, что получал от кого-либо еще; отношения с ней были такими исключительными, что вряд ли он сможет повторить их с другим человеком. Мальчик оставляет мать как объект привязанности и отрицает свою зависимость от нее, но он сохраняет ее как объект эдипальной фантазии о ее завоевании — бессознательно он думает, что есть только один достойный и желанный приз, ради которого стоит бороться, — потому что мать для него обладала такой исключительной важностью. Мальчик посвящает свою жизнь поиску успеха, который докажет его независимость и поможет завоевать мать. Но так как у него нет внутреннего ощущения цели или настоящей автономии, кроме бессознательной и недостижимой цели из прошлого, и так как успех во внешнем мире не приносит обычно действительного удовлетворения или независимости, его поиск вряд ли когда-либо закончится. Чаще всего он продолжа-

* И опять-таки у девочки тоже, и оба тендера переносят это на склонность к моногамии и к ревности. Но Слейтер говорит о сексуально окрашенных эдипальных/доэдипальных отношениях, более присущих мальчику.

ет работать и подчиняться требованиям ситуации, с которой сталкивается.

Не так у человека, который в раннем младенчестве испытал больше удовлетворительных отношений с разными людьми. Он скорее будет ожидать удовольствия в тех отношениях, которые у него складываются на данный момент, сохраняя привязанность ко многим людям, меньше отказывать себе во всем ради будущего. Из него не получится искомый хороший работник, поскольку работа в нашем обществе определяется индивидуалистически, не предполагает сотрудничества и ориентирована на результат.

Хоркхаймер и другие ученые из Франкфуртского института изучают в основном эдипальные отношения сына к отцу, а не сына к матери, и интернализацию власти отца. В любом обществе семья воспитывает определенное отношение к власти. Однако природа этого отношения меняется в зависимости от структуры власти в экономике. В ранний период развития капитализма независимые ремесленники, лавочники, фермеры и представители свободных профессий имели относительно большую значимость, т.е. больше отцов имело относительную экономическую власть*. Эта власть отца ощущалась и в семье. Сын мог интернализировать власть отца посредством классической эдипальной борьбы. У него могла развиться внутренняя целеустремленность и мотивация, он мог принять «реалистические» ограничения своей власти: «Детство в семье с ограниченными возможностями знакомило с властью»⁴¹. С развитием промышленности отец стал меньше участвовать в семейной жизни. При этом он не просто физически покидал дом. По мере того как все большее число отцов зависело от заработной платы, от изменчивости рынка труда и власти капиталистов и управленцев, материальная основа для их власти в семье тоже подрывалась. Отец реагировал на это выработкой авторитарного образа действий. Но так как для его власти больше не было настоящего основания, не могло быть и истинной эдипальной борьбы. Вместо того чтобы интернализировать власть отца и развить чувство «Я», основанное на принципе внутренней автономии, сын оставался в страхе перед внешней властью и в подчинении ей. Эти характеристики способствовали послушанию и подчинению на работе и в мире вообще.

Современная структура семьи порождает не только податливость и недостаток интернализированных норм, но зачастую

* Ученые из Франкфуртского института непоследовательно описывают класс. Они говорят о распространении качеств пролетариата в традиционно независимом среднем классе.

стремление и вкус к манипуляции. Эти черты характера используются в современном капитализме — в СМИ и потребительстве, в попытке узаконить строй, в котором нет равенства, и, наконец, в работе. Уменьшение роли эдипального отца приводит к ориентации на внешнюю власть и к послушанию ей. Исключительное влияние матери и увеличение зависимости от нее приводит к общей потребности нравиться и «быть успешным», а также к кажущейся независимости. Потребность в преуспевании способствует развитию таких черт характера, как надежность и постоянство. Так как эти черты характера отделены от индивидуальных целей и настоящих внутренних норм и при этом сохраняется внутреннее отношение зависимости, они могут способствовать принятию чужих целей в качестве собственных, что порождает псевдонезависимого функционера.

Семья, где все больше отсутствует отец и все большее влияние обретает мать, порождает личность, которая соответствует мужественности и мужскому доминированию в том виде, в каком они в данный момент определены системой «пола/гендера». Такая личность подходит для участия в капиталистических отношениях производства. Мужчина продолжает укреплять половое разделение на рынке труда в качестве защиты от чувства собственного бессилия. Отрицание зависимости от женщины и привязанности к ней является гарантией мужественности и преуспевания на рынке труда. Относительная недоступность отца и чрезмерная доступность матери приводят к тому, что мужественность определяют от противного; женщина становится объектом, вызывающим страх и злость; мужчине недостает внутренней автономии, что, в зависимости от типа семьи и классового происхождения, способствует либо подчинению правилам, либо легкой интернализации ценностей организации.

Таким образом, черты личности и ценностная ориентация женщины и мужчины смешиваются в половом и семейном разделении труда и в неравной идеологии тендера. Они создают асимметрию в структуре производства и репродукции, при которой женщина в первую очередь — мать и жена, а мужчина — работник. Эта структура производства и репродукции требует и предполагает развитие особых отношений между мужем и женой, матерью и детьми и формирует ядро семьи в современном обществе. Изучение проявлений тендерной индивидуальности во взрослой жизни раскрывает то, как женщина и мужчина невольно воссоздают, а часто и стремятся воссоздать, межличностные отношения, лежавшие некогда в основе семейной структуры, породившей их, и воспроизводят эту структуру.

12. Психодинамика семьи

Давайте вспомним, что мы оставили достигшую половой зрелости девочку в ситуации треугольника с людьми разного пола и выразили надежду, что позднее она решит ее... в пользу гетеросексуальности. Такая формулировка была сделана ради упрощения. На самом деле, независимо от влияния бисексуального фактора на создание такого треугольника, от него никогда не отказываются полностью. В образовании этого треугольника участвуют глубокие и самые неизгладимые эмоциональные отношения с обоими родителями. Эти отношения наступают после более ранних и более прочных отношений матери и ребенка, которые сохраняет каждый человек с рождения и до самой смерти. Неправомерно утверждать, что маленькая девочка отказывается от своих изначальных отношений с матерью в пользу отношений с отцом. Она лишь постепенно вводит его в альянс, переходит от исключительных отношений с матерью к треугольным отношениям с обоими родителями, развивает последние, как и предыдущие, всю жизнь, хоть и с меньшей интенсивностью. Меняется только исполнитель главной роли: то мать, то отец. Неизгладимость аффективных констелляций проявляется позже в повторениях.

Хелен Дойч. Психология женщины

Ее мать — женщина

Вот что главное

Энн Секстой. Домохозяйка

Асимметрии в эдиповом комплексе и вопросы гетеросексуальности¹

Возникшая в эдипальной ситуации идеология и психология мужского доминирования, вытеснение и отрицание зависимости выталкивают мужчину в мир рабочей конкуренции вне семьи. Из этого же вырастает ограничительная структура семьи и брака. Так как первичную заботу о ребенке осуществляет женщина, развитие и значение гетеросексуального выбора объекта отличается у мужчины и женщины. С констатации этого факта начинается традиционный психоаналитический подход к женственности и мужественности. В нашем обществе брак приобретал все большее и большее эмоциональное значение, предположительно компенсируя перенапряжение, создаваемое отчужденной и бюрократизированной деятельностью в сфере наемного труда. Брак лишился былого экономического

и политического значения, а семья практически утратила свои психологические и экономические функции, поскольку производство предметов первой необходимости, образование, религия и забота о больных и престарелых выведены за ее пределы. На этом фоне ясно видны противоречия между гетеросексуальностью женщины и мужчины, возникающие вследствие того, что функции первичной заботы о детях выполняет женщина.

В психоанализе главным результатом разрешения эдипова комплекса для обоих полов считается гетеросексуальная эротическая ориентация, при этом между мальчиком и девочкой есть различия. Мальчик сохраняет один первичный объект любви в течение всего детства. Поэтому развитие мужского гетеросексуального выбора объекта проходит относительно непрерывно: «У мужчины это развитие идет по прямой. С "фаллической" фазы продвижение идет не после сложной "волны вытеснения", а опирается на укрепление того, что уже существует...»² Согласно теории, мальчик разрешает эдипов комплекс с помощью вытеснения привязанности к матери. Тогда он готов во взрослой жизни строить глубокие отношения с кем-то, кто *похож* на мать. Когда такие отношения созданы, они имеют смысл психологического воссоздания исходных, глубоких и исключительных отношений — сначала в виде идентичности, потом в виде «двуединства», наконец, в виде отношения двух людей.

Для девочки не все так просто: «В психоаналитической теории развития преобразование инфантильного либидо в нормальный гетеросексуальный выбор объекта у женщины осложнено определенными необычными обстоятельствами»³. «Необычные обстоятельства» — это повсеместно наблюдаемые особенности семейной организации. Поскольку первый объект любви у девочки женщина, для обретения подобающей гетеросексуальной ориентации она должна перенести свой выбор первичного объекта на отца и мужчин. Это и создает асимметрию в женском и мужском эдиповом комплексе и трудности в развитии женской сексуальности, если целью развития считать гетеросексуальность.

Для девочки, как и для мальчика, мать является первичным объектом любви. Поэтому внутренняя объектная структура женской гетеросексуальности отличается от мужской. Когда отец начинает играть важную роль в ее жизни, это происходит в контексте бисексуальных отношений в треугольнике. Отношение девочки к отцу является эмоциональной реакцией на отношения с матерью, переплетено с этими отношениями и пребывает в состоянии борьбы с последними за первостепен-

ность. Обычно девочка обращается к отцу как объекту главного интереса, отворачиваясь от исключительных отношений с матерью. Но такой поворот либидо к отцу не замещает привязанности девочки к матери. Наоборот, девочка сохраняет свою доэдипальную связь с матерью (крепкую связь, в которой важную роль играет первичная идентификация, первичная любовь, зависимость и сепарация) и на ее основе строит эдипальную привязанность и к матери и к отцу. Такая эдипальная привязанность характеризуется эротизированными требованиями исключительности, чувством соперничества и ревностью. Она сохраняет интернализированные ранние отношения, наряду с созданными ими особенностями самоопределения, и интернализует новые отношения не взамен старых, а в дополнение к ним.

У девочки нет ни абсолютной смены объекта, ни исключительной привязанности к отцу. Более того, поведение и роль отца в семье, а также отношение девочки к нему играют решающую роль в развитии у нее гетеросексуальной ориентации. Но отец относительно недоступен и физически, и эмоционально. Он мало участвует в жизни семьи, не осуществляет уход за новорожденным, а усвоение им правил мужественности, как правило, приводит к отрицанию эмоциональности. Из-за недоступности отца и сложившихся интенсивных отношений с матерью девочка склонна переносить свою любовь на отца не полностью. Она остается в отношениях с матерью, эмоционально переходя при этом от отца к матери и обратно.

Отсюда вытекают два важных следствия. Во-первых, природа гетеросексуальных отношений у мальчиков и девочек различна.

У большинства женщин в эдиповом комплексе появляется направленность на отца и мужчин как на главные *эротические* объекты, но при этом мужчины остаются *эмоционально* на вторых ролях или, самое большее, — имеют равное с женщинами значение; для мальчика на эдипальной фазе развития первичны и исключительны эмоциональные связи с матерью и женщинами. Во-вторых, так как отец играет лишь вспомогательную роль как объект любви, который становится важным в контексте триангулярных отношений, внутренний объектный мир женщины сложнее, чем у мужчины. Эта внутренняя ситуация сохраняется и во взрослой жизни и влияет на поведение взрослой женщины в отношениях. Дойч считает, что женщины воспринимают гетеросексуальные отношения в триангулярном контексте, мужчина не является для них исключительным объектом. Это подтверждается кросс-культурными исследованиями семейной структуры и отношений между полами, кото-

228

рые показывают, что близость между супругами — скорее исключение, чем правило⁴.

Так как родители, мать и отец, отличаются в отношении к ребенку, различна природа и интенсивность отношений к ним у ребенка, а также степень исключительности этих отношений. Сначала дети воспринимают социальный мир и мир знаний как продолжение самих себя и не дифференцируют объекты, поэтому мать, как первый в их жизни человек, не является для ребенка отдельным существом, имеющим частные интересы. Кроме того, подобное отсутствие отдельности существования наблюдается в контексте полной зависимости ребенка от матери в смысле физического и психологического выживания. Интернализированное переживание «Я» в исходных отношениях с матерью остается соблазняющим и пугающим: единство с ней переживается как наслаждение, но одновременно означает утрату «Я» и абсолютную зависимость. Наоборот, отца ребенок всегда воспринимает как отдельного от себя человека со своими интересами. Никогда ребенок не был полностью зависим от него. Отец девочки не представляет для нее ни изначальной нарциссической угрозы (с точки зрения базовой интеграции эго и его границ), ни изначального нарциссического единства {изначального переживания единения). Эдипальная любовь к матери содержит и угрозу «Я», и обещание первичного единства, чего не бывает в любви к отцу. Любовь девочки к отцу и привязанность женщины к мужчине отражает все стороны этих асимметрий.

Мужчина не может обеспечить такого возврата к единству, как женщина. Михаэль Балинт считает главной целью взрослых сексуальных отношений возвращение к переживанию первичной любви — возможность регресса на инфантильную стадию переживания единства без необходимости проверки реальности, к безмятежному чувству благополучия, когда все потребности удовлетворены: «Эта первичная тенденция — меня будут любить всегда, всюду, по-всякому, все мое тело, все мое существо, без всякой критики, без малейшего усилия с моей стороны — является конечной целью всякого эротического устремления»⁵. Но при этом он подразумевает, что женщина может удовлетворить эти потребности лучше, чем мужчина, потому что сексуальные отношения с женщиной полнее отражают раннюю ситуацию и являются более целостным воспроизведением возвращения к матери. Поэтому мужчина во время полового акта ближе, чем женщина, подходит к переживанию воссоединения с матерью: «Мужчина лучше достигает регрессии во время полового акта: семенем в реальности, пенисом символически, всем своим "Я" в фантазии»⁶.

Участие женщины при этом двойственно. (Балинт исходит из презумпции женской гетеросексуальностиTM.) Во-первых, женщина идентифицируется с мужчиной, который проникает в нее, и посредством идентификации переживает воссоединение с женщиной (матерью). Во-вторых, она *становится* матерью (филогенетически — всепоглощающим морем, онтогенетически — утробой). Поэтому женщина в гетеросексуальных отношениях в качестве *самой себя* не может, как мужчина, снова достичь переживания слияния. Она может достичь этого, с одной стороны, идентифицируясь с кем-то, кто на это способен; с другой — идентифицируясь с той, с кем некогда сама была в слиянии. «Регрессивное возвращение» (термин Балинта), которое приносит половой акт, не настолько полно для женщины, как для мужчины.

Фрейд пишет, что женщина в гетеросексуальных отношениях пытается воспроизвести отношения с матерью⁷. Он полагает, что, даже когда женщина «сменяет объект» с матери на отца, мать остается для нее первичным внутренним объектом, так что женщина часто привносит в отношения с отцом, а потом с мужчинами то, что свойственно ее внутренним отношениям с матерью. В отношениях с мужчиной она ищет удовлетворения, которое получала от матери. Фрейд указывает на распрощанное «открытие» в клинических случаях, когда женщина, выбиравшая мужа на основании его сходства с отцом, в браке на самом деле повторяла конфликты и чувства, свойственные своим отношениям с матерью. Например, женщина, которая остается амбивалентно зависимой от матери или внутренне озабочена решением проблем сепарации, скорее всего перенесет эту установку и чувство «Я» в отношения с мужем⁸. Или же она может идентифицировать себя как частичный объект партнера, в качестве расширения отца и мужчин, а не матери и женщин*. Однако дети стремятся и уйти от матери, и вернуться к ней. Отец отчасти способствует тому, чтобы дочь разорвала первичное единство с матерью и зависимость от нее. По этой и ряду других причин отца и мужчин идеализируют⁹. Отец девочки дает ей последний шанс избавиться от всемогущества матери, так что девочке нельзя рисковать и отталкивать отца. В то же время дистанцирование отца и его идеологическая власть в семье может сделать его удаленной фигурой, и понимание, кто он такой, приходит через интерпретацию его роли матерью. Это

* Очевидно, что это только одна сторона психологического вопроса. Шассге-Смиржель отмечает, что мужчины тоже получают удовлетворение и чувство безопасности, превращая отношения со своей всемогущей матерью в привязанность к частичному объекту.

затрудняет развитие отношений, основанных на его действительной силе и слабости. Наконец, девочка не получает такой же любви от матери, какую получает мальчик. Мать воспринимает дочь как одно целое с собой; отношение матери к дочери «нарциссическое», а к сыну — более «аналитическое».

Поэтому дочь обращается к отцу за чувством отдельности и тем подтверждением своего особого положения, какое ее брат получает от матери. Она (и женщина, которой она становится) склонна отрицать ограниченные возможности отца (возлюбленного или мужа), пока чувствует себя любимой¹⁰. Ей это удастся тем более, что он далеко, а значит, она на самом деле его не знает. Из-за отдаленности отца и его значимости для дочери отношения с ним в основном строятся на уровне фантазии и идеализации, им не хватает той приземленной реальности, какая есть в отношении мальчика к матери.

Различия в переживании себя в отношениях с отцом и матерью усиливаются из-за различия в стадиях вступления в эдипальную ситуацию для мальчика и девочки. Девочка дольше остается в доэдипальных отношениях, вступает в эдипальную ситуацию позже, чем мальчик, и у нее другой способ разрешения эдипова комплекса. Бибринг, Слейтер и Джон Уайтинг считают, что в отсутствие мужчины мать рано начинает сексуализировать отношения с сыном, так что «эдипальные» темы сексуальной привлекательности и связи, соревнования и ревности смешиваются с «доэдипальными» темами первичной любви и единения. Наоборот, поскольку отношения девочки с отцом развиваются позже, ее чувство «Я» к тому времени более прочное. Если эдипальные и доэдипальные темы для нее смешиваются, такое смешение скорее всего случается в отношениях с матерью, а не с отцом. Так как ее чувство «Я» стабильнее, а эдипальная любовь к отцу не несет такой же угрозы, девочка не «разрешает» свой эдипов комплекс в той же мере, что и мальчик. Это значит, что она растет с большей заинтересованностью как в интернализированных, так и во внешних объектных отношениях; мужчина же склонен свою эдипальную потребность в любви и отношениях вытеснять. В то же время мужчина часто не выносит и начинает принижать тех, кто выражает потребность в любви, так как сам пытается отрицать подобные потребности*¹¹.

* То, что Фрейд и Брунвик называют «нормальным презрением» мальчика к женщинам и считают естественным результатом эдипова комплекса, для Шассге-Смиржель является патологической защитной реакцией на ощущение невозможности избежать материнского всемогущества, а не прямым следствием генитальных различий.

Мужчина защищается от того, что угрожает ему в любви, но потребность в любви не исчезает при таком вытеснении. Обучение мужественности и вытеснению потребностей в аффективных отношениях, в основном неэмоциональные и бесстрастные отношения в публичной сфере — все это затрудняет для него создание первичных отношений с другими мужчинами¹². Поэтому неудивительно, что мужчины обычно нуждаются в гетеросексуальных отношениях.

Отношение к женщинам по большей части заимствует смысл и динамику из отношения мужчины к матери. Но описанное Бибринг, Слейтером и Уайтингом отношение матери создает для сына трудности. Если мать относится к мальчику как к собственному расширению и в то же время как к сексуальному объекту, он начинает использовать свою мужественность и обладание пенисом как нарциссическую защиту. Во взрослой жизни он будет искать в отношениях с женщинами скорее нарциссически-фаллического подтверждения, а не взаимной поддержки и любви. Так как когда-то его сексуализированную доэдипальную привязанность поощряли, а эдипально-генитальные желания пресекали и угрожали наказанием, взрослый мужчина, защищаясь, стремится в сексуальных отношениях получить удовлетворение исключительно инстинктивных потребностей, избегая при этом риска, что его любовь отвергнут. Женщина не вытеснила аффективные потребности. Она все еще хочет любви и нарциссического подтверждения и может охотно мириться с ограниченными возможностями своего возлюбленного или мужа в обмен на проявление заботы и любви. Это может привести к отрицанию более непосредственно ощущаемых агрессивных и эротических влечений. Шассге-Смиржель утверждает, что сильная сексуальность требует выражения агрессивных, требовательных импульсов, смешанных с эротическими любовными импульсами и идеализацией. В той мере, в которой женщина переживает конфликт относительно тех импульсов, которые считает агрессивными, и боится наказания за них, ее сексуальность страдает*.

Вследствие социальной организации родительства мужчина получает представительство в психике женщины на двух уровнях. На одном уровне мужчина эмоционально второстепенен,

* Шассге-Смиржель полагает, что такая реакция, при которой агрессивные и эротические влечения в противовес идеализации не катектируются и вытесняются, лучше объясняет женскую фригидность и то, что Мари Бонапарт и Хелен Дойч считают «нормальной» женской склонностью одухотворять секс. Бонапарт объясняет это меньшим количеством либидинальной энергии у женщин, а Дойч — конституциональным торможением.

не исключителен — он не является первичным объектом любви, как мать. На другом уровне мужчину идеализируют и в нем нуждаются, но он не может выразить свои эмоциональные потребности или ответить на соответствующие потребности женщины. Как пишет об этом Грюнбергер: «Трагедия этой ситуации в том, что человек, который мог бы дать (женщине) такое подтверждение, — ее сексуальный партнер — является именно тем, кто, как мы только что убедились, начал презирать нарциссические потребности, пытаясь избавиться от них»¹³.

Эту ситуацию проясняют социологические и клинические данные. Обыденная мудрость и повседневный опыт подтверждают, что в нашем обществе романтиками, теми, для кого важны любовь, брак и отношения, являются женщины. Однако ряд исследований показал, что романтично влюбляются и любят мужчины, а чувственно и рационально — женщины¹⁴. Большинство исследователей выдвинуло предположение, что в настоящей ситуации, когда женщина экономически зависит от мужчины, она должна проявлять рационализм и предусмотрительность ради обеспечения себя и своих (будущих) детей. Можно сделать вывод, что видимый романтизм женщины является эмоциональной и идеологической реакцией на ее очень реальную экономическую зависимость. На общественном уровне, особенно учитывая экономическое неравенство, мужчина играет очень важную роль для женщины. Это находит дальнейшее подтверждение в современной тенденции среди женщин чаще инициировать развод и раздельное проживание, по мере того как у них появляется собственный доход (и по мере того, как феминистское движение начинает снимать с них клеймо «разведенки»).

Взрослая женщина объективно зависит от мужчины экономически, так же как в детстве девочка объективно зависит от отца, чтобы ускользнуть от материнского доминирования. Развитая ею способность романтизировать рациональные решения (не замечать или даже идеализировать неудачи отца или партнера в силу своей зависимости от них) оказалась полезной для женщины во взрослой жизни.

Но можно посмотреть и с другой стороны. Женщина обрела настоящую способность к рациональности и поддержанию дистанции в гетеросексуальных отношениях — качества, которые сложились в ее ранних отношениях с мужчиной. Прямые доказательства важности этих качеств были получены при исследовании переживания потери. Джордж Гётальс приводит клинические данные о том, что мужчину утрата первых взрослых отношений «повергает... в смятение и депрессию самого

тяжелого типа»¹⁵ — меланхолическую реакцию на потерю объекта, которую описывает Фрейд в «Печали и меланхолии», — он уходит в себя и не может искать новых отношений. Гё'тальс обнаружил, что у женщин, наоборот, потеря первых взрослых отношений может не приводить к такой тяжелой депрессии, его пациентки не обнаруживали такой сильной тенденции ухода в себя и могли искать новых отношений. Зик Рубин сообщает о похожих результатах¹⁶. Его исследования показали, что женщины чаще разрывают отношения, а мужчины, независимо от того, кто инициировал разрыв, после разрыва более депрессивны и одиноки. Джесси Бернанд пишет, что частота психологического дистресса, смерти и самоубийства намного выше среди недавно овдовевших мужчин, чем среди овдовевших женщин. Она указывает, что такое же различие можно обнаружить при сравнении разведенных мужчин и женщин¹⁷.

Эти исследования показывают, что у женщины есть иные ресурсы и определенная дистанция в отношениях с мужчиной. Я подчеркиваю, что у женщины более богатый и продолжающийся развиваться внутренний мир, в котором она находит опору, и что мужчина в жизни женщины не становится таким значимым и исключительным объектом, каким для него является женщина. Во внешней жизни женщина сохраняет и развивает больше отношений. Представляется, что мужчина в ходе развития не становится настолько эмоционально значимым для женщины, насколько женщина становится для мужчины.

Так как о ребенке заботится женщина, гетеросексуальный симбиоз имеет разный «смысл» для мужчины и женщины. Еще Фрейд заметил, что «любовь мужчины и любовь женщины психологически различны и далеко отстоят друг от друга»¹⁸. Он и другие исследователи показали, что, хотя мужчина и женщина обычно ищут близости друг с другом, их потребность друг в друге не может быть удовлетворена из-за асимметрии в социальной организации родительства. К этому приводят различия между женским и мужским эдипальным опытом, обусловленные материнской ролью женщины. Девочка вступает во взрослую жизнь со сложным набором аффективных связей и богатым внутренним объектным миром, продолжающим развиваться. У мальчика эдипальная ситуация проще, у него более непосредственные аффективные отношения. Мальчик так вытесняет эдипальную ситуацию, как этого не делает девочка. Мать остается для девочки первичным внутренним объектом, так что гетеросексуальные отношения выстроены для нее как неисключительные, вторичные; для мальчика они воссоздают исключительные, первичные отношения. 234

Так как первичным родителем для детей обоего пола является женщина, то и мужчина и женщина ищут возвращения к эмоциональному и физическому союзу с ней. Мужчина достигает этого непосредственно в гетеросексуальных отношениях, которые повторяют ранние исключительные отношения с матерью. В попытке достичь такого союза ему помогает женщина, которая в своем собственном развитии осталась восприимчива к потребностям в отношениях, у которой сохранилась развивающаяся аффективная внутренняя жизнь и которая научилась отрицать, по психологическим и практическим причинам, ограниченные возможности своих возлюбленных.

Мужчина и ищет и боится исключительности. В ходе развития он научился вытеснять свои потребности в аффективных отношениях и развивать связи, основанные больше на четких и абстрактных ролевых ожиданиях, особенно с другими мужчинами. Ему свойственно вступать в близкие гетеросексуальные отношения с амбивалентностью, которую создает интенсивность. Эти отношения желанны и в то же время пугают — мужчина требует от женщины того, что сам боится получить.

У женщины другие и более сложные потребности в отношениях, для которых исключительных отношений с мужчиной недостаточно, потому что ее первичным родителем была женщина, потому что она выросла гетеросексуальной, потому что психологически женщина оказывается в треугольнике отношений, в которых отец и мужчины эмоционально второстепенны или, самое большее, имеют такое же значение, как мать и другие женщины. К тому же само отношение к мужчине осложнено. Идеализация, выросшая из отношения к отцу, подразумевает и отрицание настоящих чувств, и в какой-то мере нереальное отношение к мужчине вообще. Противоречия в гетеросексуальных отношениях женщины возникают в такой же мере из-за проблем мужчины в близких отношениях, как и вследствие особенностей развития отношений в раннем детстве. Мальчик растет, отрицая свою потребность в любви, поэтому для него трудно и опасно отвечать на эмоциональные потребности женщины. Вследствие этого он принимает тайное решение держать женщину на расстоянии.

Круг завершен: мать и ребенок

Ребенок вырастает в семье, обретая тендер, гетеросексуальность и готовность к браку. Организация семьи вокруг материнской роли женщины и доминирования мужчины приводит

к несовпадению потребности в отношениях у мужчины и женщины. В частности, отношения с мужчиной редко приносят женщине удовлетворение тех потребностей, которые возникли у нее в результате раннего общения с матерью и вследствие социальной организации тендера. По мере ослабления роли мужчины в домашней сфере, особенно в родительстве, это несовпадение только увеличивается.

Женщина пытается удовлетворить свою потребность в любви, выстроить треугольник отношений и вновь испытать чувство двуединства, которое у нее было с матерью, — которое мужчина получает в гетеросексуальных отношениях. Такое положение дел день за днем воспроизводит то, что женщина впервые испытала в своем детском развитии и интрапсихически в отношениях с мужчиной. Несмотря на то что женщина чаще всего становится и остается эротически гетеросексуальной, отстраненность и амбивалентность мужчины в любовных отношениях и собственная история отношений с матерью вынуждают ее искать любви и эмоционального удовлетворения где-то еще.

Один способ, которым женщина удовлетворяет эти потребности, — создание и поддержание значимых личных отношений с другими женщинами. Сопоставление разных культур показывает, что «гендерная сегрегация» — повсеместное явление: женщинам свойственны более тесные личные связи друг с другом, чем мужчине — с другими мужчинами. Женщины проводят больше времени в компании себе подобных, чем мужчины. Социологические исследования нашего общества показали, что женская дружба аффективно богаче, чем мужская¹⁹. В других культурах и в североамериканских субкультурах женщина во взрослой жизни поддерживает отношения с родственницами²⁰. Дойч полагает, что отношения взрослых женщин иногда отражают психологическое участие женщины в треугольных отношениях. Она считает, что некоторым женщинам всегда нужна соперница в отношениях с мужчиной; другим нужна лучшая подруга, с которой они делятся интимными подробностями своих гетеросексуальных отношений. Эти отношения являются одним из способов разрешить и воссоздать связь матери с дочерью, они также выражают общую склонность женщины к отношениям и определению своего «Я» через отношения.

Тем не менее многим женщинам трудно поддерживать глубокие аффективные отношения с другими женщинами в рутине повседневной жизни. Лесбийские отношения действительно близки к воссозданию эмоций и связей между матерью и дочерью³¹, но женщины в большинстве гетеросексуальны. Пред-

почтение гетеросексуальности, табу на гомосексуальность, а также объективная экономическая зависимость от мужчины делают маловероятным преимущественный выбор сексуальной связи с другой женщиной — хотя это в последние годы происходит чаще. Раньше женщина после замужества стремилась оставаться в физической близости к матери и сестрам, она вступала в отношения с другими женщинами и в повседневной работе, и по соседству, в своем кругу. Вследствие развития индустриального капитализма — и порожденной им физически изолированной нуклеарной семьи — эти первичные отношения встречаются все реже, а женщины (и мужчины) в поисках эмоциональной поддержки и любви вынуждены больше обращаться исключительно к супружеской семье²².

При отсутствии одной части альтернативы на передний план выступает другая, и она также коренится в природе женского самоопределения через гетеросексуальные отношения и в первичной связи матери и ребенка. Как поясняет Дойч, психика женщины представляет собой многослойную структуру, складывающуюся из констелляций различных отношений. Доэдипальные отношения матери и дочери и эдипальные треугольник актуальны для девочки до позднего детства, а на самом деле на протяжении всего ее развития. Когда отношения с мужчиной обретают значимость, этот опыт все еще не завершен. Учитывая триангуляционную ситуацию и эмоциональную асимметрию в отношениях с родителями, отношение женщины к мужчине на уровне психической структуры *требует* наличия третьего, так как изначально эти отношения устанавливались в треугольнике. Отношениям мужчины к женщине такого не требуется. Его отношение с матерью изначально было отношением идентичности, позже — отношением двуединства, потом отношениями двух самостоятельных людей, еще до того как на сцене появился отец.

На уровне психической структуры женщины ребенок восполняет треугольник отношений. Имея ребенка и взаимодействуя с мужчиной в этом контексте, женщина может проецировать теперь на социальный мир свою интрапсихическую структуру отношений. Одновременно она решает вопросы смены поколений в эдиповом комплексе, поскольку занимает теперь новое место в треугольнике — место матери в отношениях с собственным ребенком.

Отношения матери и ребенка к тому же воссоздают еще более глубинную констелляцию отношений. Снова появляются исключительные симбиотические отношения мать—ребенок из младенчества самой матери — отношения, которые все люди,

имевшие мать, хотят воссоздать. Не так у мужчин. Мужчина часто хочет иметь ребенка исходя из своей ролевой позиционной идентификации с отцом или первичной, или личной, идентификации с матерью. Женщина также находилась в отношении идентификации с матерью, которая для детей обоего пола выступала как существо, наделенное уникальными способностями к материнству. Хотя есть и разница: на менее сознательном уровне объектных отношений рождение ребенка воссоздает для женщины желаемую исключительную связь между матерью и ребенком, а для мужчины появление ребенка нарушает эту исключительность подобно тому, как отец вторгался в отношения мальчика и матери. Как полагают Бенедек, Зилбург и Бэкен, мужчины часто сильно ревнуют к детям*. Эти различия просматриваются и на уровне сексуальной и биологической фантазии и символизации. Как я уже писала, во время полового акта женщина не может вернуться к матери так непосредственно, как может мужчина. Символически ей может помочь идентификация с мужчиной. Но гораздо лучше символическое возвращение к матери происходит посредством идентификации с ребенком, который находится в ее утробе: «... "материнская регрессия", термин Ференци, реализуется для женщины в равенстве полового акта и сосания. Последнее действие этой регрессии (возвращение в матку), которое мужчина совершает посредством пенетрации во время полового акта, женщина осуществляет во время беременности в виде полной идентификации матери и ребенка»²³.

Учитывая все эти причины, психологически понятно, почему женщина не удовлетворяется замужеством, но хочет семью, почему она более озабочена детьми, чем мужем. Тем самым она воссоздает для себя исключительно интенсивное первичное единство, которое мужчина находит в гетеросексуальных отношениях. Она также воссоздает свой интернализированный асимметричный треугольник отношений. Эти темы и потребности в отношениях предшествуют становлению ее идентификаций и лежат в основании их, они являются следствием нормальной семейной структуры независимо от имевшего место ролевого научения. Однако обычно научение усиливает влияние этих потребностей. В материнстве женщина действует в соответствии с личной идентификацией с собственной матерью и в соответствии с усвоенным представлением о женской роли.

* Это не отменяет конфликтов и неприязни, которую могут испытывать женщины к своим детям,

Приведенные соображения указывают на существование более широкого структурного контекста для того, каким образом отношение женщины к детям воссоздает психическую ситуацию отношений с собственной матерью. Эти отношения воссоздаются на двух уровнях: глубинно и бессознательно — на уровне первичной связи матери и младенца; а на поверхности — на уровне отношений в бисексуальном треугольнике. Первичное единство матери и младенца исключительно, а колебания в бисексуальном треугольнике включают в себя постоянное возвращение к привязанности к матери, отсюда у женщины может возникнуть психологическое противоречие между заинтересованностью в ребенке и преданностью ему и заинтересованностью в мужчине и преданностью мужчине. Пока на уровне интрапсихической структуры женщина испытывает отношение к ребенку как исключительное, ее отношение к мужчине может оставаться поверхностным.

Фрейд в виде предположения указывает на эту ситуацию (с его точки зрения нежелательную), когда противопоставляет объектную любовь у мужчин и женщин. В эссе «О нарциссизме» он утверждает, что «полная объектная любовь по типу привязанности, в собственном смысле, свойственна мужчине»²⁴. Женщина, наоборот, склонна любить нарциссически — на одном уровне она хочет быть любимой или быть очень самодостаточной; на другом уровне она склонна любить кого-то в качестве расширения собственного «Я», а не как отдельный объект. Он здесь указывает, что необходимый тип отношения к младенцу — это нормальный способ любить у женщин. Он также отмечает, что женщина достигает настоящей объектной любви, но только в отношении к своим детям — которые являются и частью ее, и отдельными объектами. Здесь Фрейд, кажется, говорит от лица исключенного мужчины, который рассматривает потенциальную психологическую самодостаточность женщины по сравнению с *мужчиной*. Возможно, это послужило основой ранних психоаналитических утверждений, что женщина более нарциссична, чем мужчина, поскольку клинически ясно, что мужчина испытывает такие же серьезные трудности в построении базовых объектных отношений, как и женщина".

Клинические данные раскрывают противоречие между любовью мужчины и женщины и любовью матери и ребенка. Флисс и Дойч указали на крайний случай, когда дети становятся исключительно предметом отношений женщины с матерью²⁶. Некоторые женщины в фантазии рожают ребенка для своей матери или даже имеют ребенка от нее. Часто такие

женщины в подростковом возрасте имели серьезные проблемы привязанности и сепарации в отношениях с матерью, отец их не участвовал в семейной жизни. Часто девушка отыгрывает эту фантазию в том, что не знает отца своего ребенка либо знает, но ей все равно. Ее главная цель — принести ребенка домой к матери.

Дойч обнаружила, что в женских фантазиях и сновидениях сексуальность и эротика часто противопоставляются материнству и размножению²⁷. Она приводит случаи из клинической практики и литературы о женщинах, которые выбирали либо только сексуальность, либо только материнство, о матерях, для которых сексуальное удовольствие становилось незначимым, о женщинах с фантазиями о партеногенезе. Бенедек и Винникотт отметили в своих наблюдениях, что опыт беременности и ожидание материнства часто отвлекают интерес женщины от других первостепенных обязательств и обращают его на собственное тело и развивающегося ребенка. Бенедек пишет: «Интерес женщины смещается с экстравертированных занятий на ее тело и его благополучие. В психодинамических терминах это можно выразить так: либидо отходит от внешних гетеросексуальных объектов и начинает сосредотачиваться на своем "Я"»²⁸.

Такое смещение либидо может продолжаться и после родов. Психологическое и либидинальное удовольствие от заботы о ребенке может заместить психологическое и либидинальное удовольствие, которое раньше женщина получала в гетеросексуальных отношениях²⁹. Клинические данные и теоретические положения Бэкона, Бенедек, Зилбурга относительно ревности мужчин к своим детям подтверждают это соображение.

На уровне отношений в треугольнике тоже могут быть противоречия между заинтересованностью женщины в детях и в мужчине. Это очевидно в предположении Фрейда о том, что женщина психологически колеблется между доэдипальной и эдипальной позицией (по его словам, между периодами «мужественности» и «женственности»), что любовь женщины отличается «на целую психологическую фазу» от любви

мужчины (женщина скорее будет любить своего сына, чем мужа). Дойч показала, что мужчина может быть, а может и не быть психологически необходимым или желателен в исключительных отношениях матери и ребенка. Когда женщина ориентирована на мужчину, ее фантазия о ребенке такова: «Я хочу ребенка от него, *с ним*»; когда мужчина занимает эмоционально второстепенное место, женщина фантазирует так: «Я хочу ребенка»³⁰.

У женщины появляется желание и потребность в первичных отношениях с ребенком. Эти желания и потребности возникают из желания иметь интенсивные первичные отношения, которые мужчина не может дать женщине в силу своего положения в эдипальной констелляции женщины и из-за трудностей в установлении близких отношений. Женщина желает интенсивных первичных отношений не с другой женщиной в силу внутреннего или внешнего табу на гомосексуальность и в силу изоляции от своих первичных родственниц (особенно от матери) и других женщин.

Наряду с этими желаниями и потребностями у женщины развиваются способности к отношениям ребенок—родитель и способности к материнству. Из-за специфики структуры родительства женщина дольше, чем мужчина, сохраняет первичные доэдипальные отношения с матерью. Ей не нужно вытеснять или пресекать способность испытывать первичную идентификацию и первичную любовь, которые являются основой родительской эмпатии. Ее развитие и разрешение эдипова комплекса не требует защиты эго ни от регресса, ни от отношений, что свойственно развитию мужчины. Женщине свойственно сохранять доэдипальные проблемы в отношениях с матерью, так что бессознательно она заинтересована в их возрождении. Когда у нее появляется ребенок, она, в отличие от мужчины, возвращается к этим проблемам. В каждый критический период развития ребенка на установки и поведение родителя влияют конфликты и опыт развития самого родителя в соответствующие периоды³¹. Доэдипальные отношения, сохраняющиеся в латентной форме при нормальном самовосприятии и отношении женщины к миру, активизируются с началом ухода за младенцем, усиливая эмпатическую идентификацию с младенцем, которая является основой материнской заботы.

Более того, материнство для женщины означает двойную идентификацию — с матерью *и* с ребенком. Все доэдипальные отношения интернализуются, сохраняются и делятся в большей мере у женщины, чем у мужчины. Женщина играет в них обе роли. У женщины есть способность к первичной идентификации с ребенком посредством регрессии к первичной любви и эмпатии. Материнская идентификация позволяет проявиться такой способности эго и чувству ответственности, которые и составляют заботу о ребенке. К тому же женщина вкладывается в материнство, чтобы компенсировать ущерб, нанесенный в фантазии собственной матери (или чтобы отомстить ей). Кроме того, в ходе своего развития женщина создает множественные уровни идентификации с матерью на

основе первичных интернализированных отношений матери и ребенка³².

Из объектных отношений у женщины развиваются способности к материнству. Происхождение этих объектных отношений обусловлено особой природой и длительностью эдипальных отношений с матерью; неабсолютным вытеснением эдипальных отношений; непрерывными отношениями матери и дочери по мере взросления последней. Эти отношения развиваются, потому что у женщины не сформированы такие защиты от отношений, как у мужчины. В связи с этим у женщины развиваются желания и потребности быть матерью, возникающие из эдипального опыта и противоречий гетеросексуальной любви, которые тоже являются следствием эдипова комплекса.

Из-за желаний и потребностей, вследствие которых женщина становится матерью, она оказывается в ситуации, где может проявить свои материнские способности. В то же время женщина остается в конфликте с внутренней матерью, а часто и с матерью в реальной жизни. Озабоченность вопросами сепарации и первичной идентификации, способность воспроизвести свои ранние отношения с матерью — именно те способности, которые делают возможным материнство, — могут привести к сверх-идентификации и псевдоэмпатии, которые будут основаны скорее на материнской проекции, а не на реальном восприятии или понимании потребностей младенца³³. Похожим образом и потребность в первичных отношениях становится более насущной и значимой, когда остается меньше возможностей для отношений с другими женщинами и когда отец/муж все больше отсутствует. Хотя женщина и становится матерью, ее способность к материнству и желание материнства могут противоречить друг другу и быть внутренне противоречивыми. Сами качества, приводящие женщину к желанию материнства, могут способствовать тому, чтобы она стала хорошей матерью, а могут и причинять затруднения.

Тендерная индивидуальность и воспроизводство материнства

Нет адекватного объяснения, с точки зрения биологии и теории инстинктов, почему и как женщины начинают выполнять материнские функции. Разумеется, есть тесная связь между способностью женщины к вынашиванию ребенка и к лактации с одной стороны и ответственностью женщины за заботу о ребенке с другой. Известно также соображение, что половое

разделение труда, при котором женщина выполняет функции (аботы о потомстве, было исторически оправданным (и, возможно, необходимым для выживания). Однако материнство и материнская роль женщины являются частью социальной структуры, поэтому требуют объяснения в терминах социального. Традиционные феминистские и социально-психологические теории о происхождении тендерных ролей — девочек и мальчиков «учат» подобающему поведению и они «учатся» подобающим чувствам — недостаточны ни эмпирически, ни методологически для объяснения того, как женщина превращается в мать.

Методологически сомнительно строить теорию социализации на индивидуальном намерении. Существующие социальные структуры включают в себя средства собственного воспроизводства — регулируемое повторение социальных процессов; поддержание условий, которые требуют участия членов общества; порождение узаконивающих социальные практики идеологий и институтов; психологическое и физическое воспроизводство людей для выполнения необходимых ролей. Теории социализации помогают объяснить сохранение и воспроизводство идеологии тендерных ролей. Тем не менее само по себе представление о подобающем поведении или принуждение не могут привести индивида к родительству. Психологические способности и определенная конфигурация объектных отношений являются необходимым и важным условием родительства, а родительство, в свою очередь, зависит от их наличия так, как никакая другая роль или вид деятельности.

Материнство устроено так, что воспроизводит самое себя. Это воспроизводство состоит в производстве женщин с определенными психологическими способностями и установками, которые входят в структуру первичного родительства, и мужчин без таковых. Психоанализ дает нам теорию социального воспроизводства, которая объясняет основные характеристики развития личности, развития психической структуры и, в частности, дифференциального развития тендерной индивидуальности. Психоаналитики считают, что личность развивается из того, как ребенок присваивает, интернализует и организирует ранние переживания в семье — посредством фантазий, используемых средств защиты, способов канализации и перенаправления влечений в контексте объектных отношений, — и одновременно определяется этим. Впоследствии человек налагает эту интрапсихическую структуру и составляющие ее фантазии, средства защиты, способы отношений и важные темы

на внешние социальные ситуации. Эта повторная экстернализация (или взаимная повторная экстернализация) и составляет по существу основную характеристику самих социальных и межличностных ситуаций.

Однако в психоанализе нет подходящей теории воспроизводства родительства. Из-за телеологического допущения, что анатомия есть судьба, что судьба женщины включает в себя первичное родительство, онтогенез материнства был упущен из виду, несмотря на то что происхождение разнообразных связанных с материнством расстройств и трудностей не раз привлекало внимание клиницистов. Большинство психоаналитиков согласно, что основа для родительства и родительского поведения заложена, независимо от тендера, в ранних отношениях с лицом, осуществляющим первичную заботу о ребенке. Но затем, размышляя, почему *женщина* выполняет материнские функции, психоаналитики ссылаются на смутные представления о последующей идентификации девочки с матерью, что заставляет ее, а не брата, усвоить роль первичного родительства; или на плохо сформулированную и неисследованную концепцию врожденной женственности девочки. При этом используют логически непоследовательные переходы, связывая лактацию или ранние ощущения во влагалище со способностью и обязанностью осуществлять заботу о ребенке.

Пересмотр психоаналитических взглядов на мужское и женское развитие дает теорию, которая объясняет, как осуществляется воспроизводство материнства, или женского родительства. Материнская роль женщины воспроизводится посредством различающего мужчин и женщин опыта объектных отношений и его психических последствий. Так как первичную заботу о женщине осуществляла женщина, то женщина больше, чем мужчина, стремится стать матерью, т.е. снова поместить себя в первичные отношения матери и ребенка, получить удовлетворение от материнских отношений, иметь психологические способности к материнству и способности к отношениям материнства.

Базовая способность участвовать в отношениях, которые имеют черты ранних отношений родителя и ребенка, и желание создавать эту близость закладываются у детей обоего пола в ранних отношениях с первичным родителем. Но, поскольку материнские функции выполняет женщина, ранний опыт и доэдипальные отношения различаются у мальчиков и девочек. Девочку волнуют темы ранних детских отношений с матерью и чувство «Я», складывающееся в этих отношениях. Поэтому в ее

привязанностях сохраняется больше доэдипальных аспектов. Большая длительность и другая природа доэдипального опыта у женщины, постоянная занятость вопросами этого периода означают, что чувство «Я» женщины более связано с другими, что она сохраняет способность к первичной идентификации. И то и другое приводит к развитию эмпатии и недостаточному ощущению реальности, которые нужны для заботы о младенце. У мужчины эти качества урезаны потому, что мать рано начинает относиться к мальчику как к существу противоположного пола, и потому, что последующая привязанность к матери должна быть им вытеснена. Следовательно, основания для материнского расширены у женщины и заторможены у мужчины, воспринимающего себя как более отдельного и отличного от других.

Вследствие того, что женщина осуществляет первичную заботу о ребенке, различная структура женского и мужского эдипального треугольника и эдипальных процессов влияет на дальнейшую дифференциацию тендерной личности и на усвоение женщиной материнской установки. Вследствие этого опыта внутренний объектный мир женщины и связанные с ним аффекты и важные темы активнее поддерживаются, они сложнее, чем у мужчины. Это значит, что женщина определяет и воспринимает себя в отношениях и через отношения. Гетеросексуальная ориентация женщины всегда связана и с эдипальными и с доэдипальными аспектами отношений матери и ребенка. Поэтому женская гетеросексуальность триангулярна и требует третьего — ребенка — для своего структурного и эмоционального завершения. Для мужчины, наоборот, сами по себе гетеросексуальные отношения воссоздают раннюю связь с матерью, а ребенок ее прерывает. Более того, мужчина не определяет себя через отношения, подавляет в себе способность к отношениям и вытесняет потребность в отношениях. Это готовит его к участию в отрицающем чувства мире отчужденного труда, но не к удовлетворению потребности женщины в близости и первичных отношениях.

Возникая из асимметричной организации родительства, эдипов комплекс охраняет психологическое табу на инцест родителя и ребенка и выталкивает мальчиков и девочек в поисках гетеросексуальных отношений за пределы семьи. Это шаг на пути к воспроизводству родительства. Но создание и поддержание табу на инцест и гетеросексуальность различаются у девочек и мальчиков. У мальчика формирование суперэго и идентификация с отцом, поощряемые превосходством муже-

ственности, поддерживают табу на инцест с матерью, при этом гетеросексуальная ориентация у него продолжается, начиная с ранних любовных отношений с матерью. У девочки само появление гетеросексуальности поддерживает это табу. Однако гетеросексуальность женщины не так исключительна, как у мужчины, что облегчает ей принятие или поиск другого мужчины взамен отца. Более того, в ситуации мужского доминирования исключительная эмоциональная гетеросексуальность женщины, как и вытеснение любви к отцу, не так уж необходима. Мужчине более свойственно инициировать отношения, а экономическая зависимость женщины от мужчины в любом случае толкает ее в гетеросексуальный брак.

Мужское доминирование в гетеросексуальных парах и в браке решает проблему недостаточной гетеросексуальной преданности женщины и недостатка ее удовлетворения тем, что делает женщину скорее пассивно отвечающей, чем активной, в процессе установления сексуальной связи. В то же время противоречия гетеросексуальности помогают сохранять семью и родительство, обеспечивая условия, при которых женщина ищет отношений с детьми и ее не удовлетворяют исключительно гетеросексуальные отношения. Так недостаточная эмоциональная доступность мужчины и нестойкая преданность гетеросексуальным отношениям у женщины приводят к воспроизводству материнства.

Материнская установка женщины порождает соответствующее психологическое самоопределение и способности, необходимые для материнства, одновременно урезая и тормозя такие способности и такое самоопределение у мужчины. Ранний опыт получения заботы от женщины приводит к созданию и у женщин, и у мужчин важной структуры ожидания отсутствия у матери других интересов, кроме ее ребенка, и полной поглощенности благополучием младенца. Дочь растет, идентифицируясь с такой матерью и в соответствии с такими ожиданиями. Отсюда предположение, что для женщины естественно заботиться о детях любого возраста, и убеждение, что «материнские» качества женщины могут и должны быть распространены на другую «нематеринскую» работу, которую она выполняет. Все эти последствия обстоятельств материнской роли женщины обеспечивают то, что женщина бесконечно будет выполнять материнские функции по отношению к младенцам и возьмет на себя долгосрочную ответственность за детей.

Воспроизводство материнства является основой воспроизводства структуры положения и обязанностей женщины

в домашней сфере. Материнская роль и ее распространение на структурное положение женщины в домашней сфере вызывают современную социальную организацию тендера и социальную организацию производства, а также участвуют в их воспроизводстве. Материнство женщины является основной структурной характеристикой системы «пола/гендера»: оно лежит в основе полового разделения труда и порождает психологию и идеологию мужского доминирования, а также идеологизированные суждения о женских способностях и природе женщины. В качестве жены и матери женщина участвует в физическом и психологическом воспроизводстве мужчин-рабочих изо дня в день и из поколения в поколение и, таким образом, в воспроизводстве капиталистического производства.

Материнская функция женщины служит воспроизводству семьи и ее структуры в обществе с мужским доминированием. Половое и семейное разделение труда, при котором материнские функции выполняет женщина, создает половое разделение психической организации и направленности. Оно приводит к появлению женщин и мужчин с социально порожденной тендерной идентичностью; эти женщины и мужчины вступают в асимметричные гетеросексуальные отношения. Такое разделение порождает мужчин, которые реагируют на женщин особым образом, боятся их и смотрят на них свысока, которые большую часть своей энергии направляют на работу вне семьи и не выполняют родительских функций. Наконец, это половое разделение порождает женщин, которые обращают всю свою энергию на уход и заботу о детях - что, в свою очередь, воспроизводит половое и семейное разделение труда, при котором материнские функции выполняет женщина.

Таким образом, социальное воспроизводство асимметрично. В своей домашней роли женщины воспроизводят мужчин и детей физически, психологически и эмоционально. В роли домашних работниц они воссоздают себя физически повседневно и воспроизводят себя в качестве матерей, эмоционально и психологически, в следующем поколении. Так они участвуют в сохранении собственных социальных ролей и своего положения в тендерной иерархии.

Институционализированные черты семейной структуры и социальные отношения воспроизводства воспроизводят сами себя. Психоаналитическое исследование показывает, что способности к материнству и преданность ему, общие психологические способности и желания, которые являются основой эмоциональной жизни женщины, встраиваются в личность

женщины в ходе развития. Поскольку по отношению к самой женщине материнские функции выполняла мать, она вырастает со способностями и потребностями в отношениях, с психологическим определением «себя-в-отношениях», что предопределяет ее материнство. У мужчин это не так, поскольку их матерью была женщина. Женщина выполняет материнские функции по отношению к дочери, которая, когда станет женщиной, в свою очередь, будет выполнять материнские функции.

ПОСЛЕСЛОВИЕ:

Материнство и освобождение женщины

Способность и готовность заботиться о других передаются от женщины к женщине посредством психологических механизмов, во многом определяемых структурой общества. Они не вытекают непосредственно из женской физиологии. Женщина входит в материнскую роль, потому что о ней заботилась женщина. Мужчина, напротив, испытывает определенные ограничения, когда пытается исполнять родительские функции, именно потому, что о нем с детства заботилась женщина.

В данном исследовании я делаю попытку показать, каким образом происходит воспроизводство состояния и функции материнской заботы. Я не утверждаю, что это гладкий и непротиворечивый процесс. Мать растит дочь, дочь перенимает навыки материнского поведения, и это обеспечивает преемственность родительства. Однако процесс воспроизводства материнской заботы порождает напряжение и трения, которые, в свою очередь, подрывают систему «пола/гендера», созданную в результате этого процесса. Конкретная форма, в которую выливаются эти напряжения и трения, зависит и от внутреннего развития системы, и от внешних по отношению к ней исторических событий. В особые исторические периоды, как, например, в настоящий, внутренние противоречия системы «пола/гендера» сливаются с внешними обстоятельствами. Это создает ситуацию, при которой негативная общественная реакция получает широкое распространение, а зачастую и открыто политическое звучание.

Те самые способности и потребности, которые формируют женщину-мать, создают потенциальные противоречия в исполнении материнских функций. Материнское чувство единения с младенцем может незаметно перейти в слишком тесную

связь и недостаточную отделенность между ними. Эмпатия и первичная идентификация матери обеспечивают способность предвосхищать потребности ребенка, однако могут перерасти в бессознательное навязывание ребенку того, в чем он, по мнению матери, должен нуждаться. Развитие автономного «Я» у ребенка в этом случае затруднено, что, в свою очередь, приводит к потере чувства «Я» у матери. Женщина использует ребенка как третьего для выстраивания треугольника или для создания неразрывной связи с ним в паре мать—дитя. Это показывает, что в основе материнского отношения зачастую лежит конфликтная, амбивалентная, сильнейшая потребность женщины в своей собственной матери. Женщина превращает ребенка в средство восполнения собственной эмоциональной, а порой даже эротической потребности, не удовлетворенной мужчинами или другими женщинами. Она ожидает от младенца того, что только другой взрослый может ей дать. Эти тенденции принимают разную форму в общении с сыном и дочерью. Сын может оказаться в положении психологического заместителя мужа и будет вынужден соучаствовать в защитном укреплении границ эго и вытеснении эмоциональных потребностей матери. Дочери могут быть навязаны психологические функции утраченной матери, отчего у девочки окажется недостаточно развито собственное отдельное чувство «Я».

Подобные тенденции воздействуют на личностные характеристики, которые впоследствии влияют на исполнение родительских функций и играют большую роль в том, какие психологические последствия будет иметь то или иное обращение женщины с ребенком. Актуальное же их проявление зависит от социального статуса семьи и принятых в данном кругу установок по отношению к материнству. В обществе, где женщина занята осмысленным производительным трудом и может устанавливать близкие, стабильные, эмоционально удовлетворительные отношения с другими взрослыми, она реже станет эмоционально перегружать ребенка. Однако именно на эти условия налагает ограничения развитие промышленности в эпоху капитализма.

В 1940-е гг. в Америке появилось множество работ, утверждавших, будто матери в нашем обществе подвергают детей «гиперопеке», препятствуя их сепарации. В этих работах объектом исследования были женщины 1920-х гг. Они воспитывали детей в то время, когда психология подчеркивала ответственность матери за развитие потомства, а у женщины появилась возможность уделять больше внимания каждому ребенку, поскольку число детей в семьях сокращалось. Кроме того, повы-

шение миграционных возможностей и массовое переселение из городов в пригороды препятствовало семейным и родственным контактам женщин друг с другом. Женщина оказалась вынуждена растить детей в условиях, которые, по данным кросс-культурных исследований, делают исполнение материнских функций весьма затруднительным: домохозяйка, запертая в четырех стенах и перегруженная ответственностью за детей, поневоле станет испытывать к материнской роли амбивалентные чувства. Большинство этих исследований было не о жизни матерей, а о влиянии женщины на ребенка.

Изолированная, вырванная из привычной среды женщина стала искать психологическую опору в детях, порочный круг начал смыкаться. Выросшая в доме, где кроме матери не было других женщин, а отец привычно устранился от семейных дел, девочка обычно сталкивалась с неразрешимой проблемой на стадии формирования личностной автономии. Став женщиной и матерью, она вряд ли сможет безболезненно пройти стадию сепарации с собственными детьми.

Когда основная, исключительная ответственность за детей возложена на женщину, мужчина начинает испытывать проблемы с формированием мужественности. Мужчине гораздо труднее развить стабильное чувство маскулинного «Я», чем женщине — стабильное чувство фемининного «Я», поскольку материнские функции — прерогатива женщины. Согласно данным кросс-культурных исследований, чем меньше отец (или другие взрослые мужчины) принимает участие в жизни семьи, тем сильнее конфликт в развитии маскулинности и страх мужчины перед женщиной.

Серьезные конфликты неизбежны, если люди испытывают сильную потребность в эмоциональной поддержке, но могут удовлетворить эту потребность лишь с ограниченным числом людей, устанавливая с ними глубокие интенсивные отношения, не укорененные в совместной деятельности и не регулируемые системой институционализированных правил. Например, гетеросексуальные отношения, основанные на идеализации и романтической любви, стремящиеся к полному эмоциональному слиянию и не имеющие той экономической и политической основы, какую некогда давало супружество, часто терпят крах. Об этом свидетельствует современная статистика разводов. В отношениях матери и сына возникнет много обид и взаимных упреков, если мать ищет в сыне мужа. Если у матери много подруг, интересная работа и стабильная самооценка, у дочери есть шанс стать женщиной сильной, уверенной в себе, способной заботиться о других. Отношения с матерью, у которой нет

поддержки со стороны другого взрослого или содержательной работы и которая *все* еще амбивалентно привязана к собственной матери, рожают у дочери амбивалентную привязанность и неспособность к сепарации. Аспекты личности женщины, которые принимают участие в формировании ее материнского поведения и самочувствия, искажаются.

Современные проблемы родительства возникают из потенциальных внутренних противоречий в семье и социальной конструкции тендера — противоречий между пролонгированным и социальным материнством женщины и гетеросексуальными привязанностями, между недостаточной сепарацией матери и индивидуацией ее дочери, между эмоциональной зависимостью матери и маскулинным развитием сына. Изменения, возникающие вне семьи, особенно в экономике, обострили эти противоречия.

Сегодня, когда женщины пополнили ряды наемной рабочей силы, продолжая одновременно выполнять материнские функции, мы наблюдаем возникновение новых проблем. Женщина должна быть хорошей матерью и надежным работником. Она плохая мать, если отдает ребенка в детский сад; жадная и бестолковая, если ждет помощи от мужа; ленивая, если, будучи матерью-одиночкой, требует пособия на ребенка, чтобы иметь возможность оставаться с ним дома и не ходить на работу

То, что родительские функции ложатся преимущественно на женщину, влияет и на мужчину. Ощущение отчуждения и жестокая конкуренция в сфере труда заставляют многих мужчин сожалеть о недостаточности контакта с детьми. Они чувствуют, как еще одна из немногих оставшихся им форм глубокого личностного опыта ускользает от них.

До возникновения современного феминистского движения социологи и психологи возлагали бремя решения этих проблем на индивида и не видели в них проявления системной болезни общества. Они исследовали потенциальные противоречия в материнской позиции и их внешнее выражение: мать, балансирующую между сепарацией и слиянием, поглощением и утратой эго, при этом сохраняющую личностную автономию. Перед нами портрет женщины, пытающейся не воспроизвести отношения с собственной матерью в общении с детьми и одновременно опирающейся на эти отношения. Проблемы во взаимоотношении полов и конфликты в формировании маскулинности в то время считали естественным следствием неправильного материнского поведения. Чтобы решить проблему, говорили ученые, женщина должна научиться лучше держать равновесие, а отец — стать более со-

252

блазнительным идеалом для дочери, лучшим примером и моделью для сына.

Психоаналитически ориентированные и социальные психологи, с которыми я обсуждала эту книгу, полагали, что нет ничего неправильного в делении функций или ролей на основании пола, в распределении труда по половому признаку. Они убеждены, что неправильны только неравенство и дифференцированный подход. Однако ни исторически, ни кросс-культурно мы не можем разграничить разделение труда по половому признаку и тендерное неравенство. Разделение труда по половому признаку и ответственность женщины за воспитание ребенка связаны с мужским доминированием и порождают его. Психологи недвусмысленно продемонстрировали, что сам факт преимущественного осуществления заботы о детях женщиной порождает конфликт маскулинности у мужчины, психологию мужского доминирования и потребность превосходить женщину. Антропологи утверждают, что в древности ответственность женщины по уходу за детьми требовала, чтобы охотой занимался мужчина¹. Это давало ему, а не женщине, престиж и доступ к власти вследствие контроля над распределением излишков в хозяйстве. Продолжительная занятость женщины в домашней, «естественной» сфере как продолжение ее материнских функций ограничила ее присутствие в других сферах — социальной и культурной — и закрепила власть за мужчиной².

Таким образом, социальная структура и распределение родительских функций порождает половое неравенство, а не просто ролевую дифференциацию. Перед нами стоит важная политическая и социальная задача конфронтации этой структуре. Несмотря на то что подобная расстановка сил выглядит универсальной, укорененной в биологии человека, а потому неизбежной, ее можно изменить. На возможность изменения указывает не только теоретическая критика биологического детерминизма, но и противоречия, свойственные сегодняшней системе распределения родительских функций. По мере того как существующие формы родительства воспроизводят сами себя, присущая им ограниченность рождает глубокую неудовлетворенность у женщин и — в некоторых случаях — у мужчин.

Если нашей целью является преодоление разделения труда по половому признаку, при котором женщины — и только они — выполняют функции заботы о потомстве, необходимо в первую очередь понять механизмы его воспроизводства. В своей работе я постаралась указать, куда должно быть направлено

вмешательство. Стратегия изменения, целью которого является освобождение человека от оков тендерного неравенства, должна учитывать необходимость фундаментальной реорганизации структуры родительства, с тем чтобы первичные родительские функции совместно исполняли мужчина и женщина. Некоторые друзья и коллеги считают мою точку зрения неправомочной. Действительно, не все женщины выполняют материнские функции или хотят этого, и не все женщины обладают «материнскими качествами» и особой способностью заботиться о других. Одни женщины больше способны заботиться о ребенке и больше хотят детей, другие меньше. Некоторые мужчины больше способны заботиться о ребенке, чем некоторые женщины. Я согласна, что провозглашение гендерных различий скрадывает мелкомасштабные различия внутри одного тендера и сходство между двумя тендерами. Я надеюсь, что эта книга заставит нас задуматься над этими различиями и воодушевит исследователей на поиск ответа на поставленные вопросы.

Тем не менее я убеждена, что межгендерные различия являются общественно и политически самыми важными. Исследовать внутригендерные различия и межгендерное сходство необходимо, чтобы оспорить естественнонаучную, биологизаторскую точку зрения на мужчину и женщину. Однако самое важное — принимать во внимание структурные и статистические данные, свидетельствующие о различии в положении мужчины и женщины. Главное — не спутать то, что есть, с тем, что должно быть.

Было высказано мнение, будто я не учитываю изменений в организации родительских функций, что моя точка зрения «неисторична»³. Эта критика задевает сам корень проблемы. Система «пола/гендера» постоянно меняется, так как соответствует другим аспектам организации общества и экономики и влияет на них. И все-таки по своей сути она остается той же. Нет смысла отрицать ни социально-психологическую заданность пролонгированного и социального материнства женщины, ни степень нашего участия, часто вопреки сознательным намерениям, в современном состоянии системы «пола/гендера». Мы почти ничего не знаем об исторических изменениях в практике родительства, так же мало мы знаем об этих различиях в современном обществе: о влиянии классовых различий, о влиянии трудовой занятости матери. Мы мало знаем о влиянии семейной структуры, например, живет ли мать-одиночка с маленькими детьми или/и со взрослыми детьми, растут ли дети в широком или узком семейном окружении. Нам нужно знать

больше о влиянии этих переменных на родительские функции и об их изменениях.

Разумеется, нельзя утверждать, что обсуждаемые мною процессы не меняются. Моя точка зрения опирается на данные психоанализа, которые распространяются, самое большее, на последние сто лет, если начинать с детства первых пациентов Фрейда. Но даже и за это время практика родительства и его организации изменилась. За прошедшие сто лет произошли огромные перемены в доступности контрацепции и в росте числа семей с меньшим количеством детей, семей более изолированных. Также более изолированным стало воспитание детей. Женщины тратят гораздо меньше времени на деторождение и воспитание детей. За последние двадцать лет большинство женщин с детьми стало работать: например, в 1974 г. работали около 46 процентов матерей с детьми младше 18 лет: около половины матерей с детьми школьного возраста и около трети с детьми младше шести лет⁴. Несомненно, эти изменения повлияли на отношения матери и ребенка и на качество и содержание заботы и воспитания, но мы не знаем, каким образом. Мы не знаем, когда кумуляция малых подвижек в практике родительства приводит к качественным изменениям и позволяет судить о том, что мы имеем дело уже с совсем другой системой.

В то же время женщина остается тем, кто осуществляет первичную заботу о детях, как внутри семьи, так и в альтернативных условиях заботы о ребенке. Даже если мы посмотрим на современные общества, где широко распространен внесемейный уход за ребенком, — Израиль, Китай, Советский Союз, Кубу — и там этим все еще заняты женщины.

Я не делала попытки проанализировать, как воспроизводится система родительской заботы во все времена. Но возможно, однако, что сделанные мною выводы применимы ко всем общественным устройствам. Многие факторы влияют на воспроизводство пролонгированного и социального материнства в разных обществах и в разные исторические периоды. Обсуждаемые мною факторы являются основными для воспроизводства материнства на сегодняшний день. Если же они и были менее существенными в другое время и в другом месте, это не отменяет моих выводов, а скорее указывает на то, что нам необходимо знать больше.

Меня упрекают не только в том, что мое исследование не допускает возможности изменений, но и в том, что я пессимистка и изображаю настоящее положение дел как неизбежное. Кажущаяся неизбежность заложена уже в самом языке,

где первичные родительские функции обозначаются словом «материнство». Сложно воспринимать отдельно женщину и ее родительские функции, трудно разграничить необходимую детям заботу и человека, который ее предоставляет. Но мы можем и должны это разделять.

Процессы, которые я пытаюсь объяснить, кажутся неизбежными еще и потому, что я, как и другие, кто опирается на объяснительные принципы психоанализа, описываю то, что происходит с людьми к пятилетнему возрасту. Психоанализ действительно утверждает, что наша личность решающим образом формируется к пяти годам. Но при этом он допускает возможность изменения в ходе жизненного опыта или с помощью аналитического процесса. Психоанализ был создан не только для объяснения раннего психического развития человека, но и как способ преодоления ограничений в формировании личности. Более того, психоанализ выступает против односторонней модели социальной детерминации и за разнообразие и творчество, которые проявляются в том, как человек перерабатывает свои ранние детские переживания и дальнейший опыт. В этой книге я показываю, как родительские качества создаются у женщины особыми социальными и психологическими процессами. Имплицитно я также показываю, как эти качества могут быть созданы у мужчины, если мужчина и женщина на равных станут выполнять родительские функции.

Можно обратиться к последним психологическим теориям и исследованиям, чтобы продемонстрировать вероятность изменения. Первые психоаналитические теории подчеркивали важность отношений в процессе биологического кормления для формирования личности. Современные теории, наоборот, полагают, что ребенку необходимо целостное родительское отношение, которое включает в себя тепло, контакт, надежную заботу, а не только само по себе особое отношение кормления. Эту теорию использовали для того, чтобы мать сидела дома. Сейчас же биологические императивы звучат не так убедительно. Известно также, что и другие люди, а не только биологическая мать, могут адекватно заботиться о ребенке. Похожим образом классическая теория детского развития утверждала, что детям нужен один человек, который выполняет родительские функции. Но последние исследования показали, что детям нужна постоянная забота и стабильная возможность полагаться на небольшой круг людей. Они не нуждаются в эксклюзивных отношениях с одним-единственным человеком. Исторически сложилось так, что о детях редко заботилась только биологическая мать. Современные исследования указывают на важность

качества ухода за ребенком в детских садах и качества того времени, что дети проводят с родителями.

Дети действительно растут по-другому в отсутствие посвятившей им себя матери, но не обязательно растут хуже. Изучение коллективного воспитания детей (Китай, Куба, киббуцы в Израиле) показало, что у этих детей больше развивается чувство солидарности и преданности группе, меньше — индивидуализм и конкуренция. Эти дети менее склонны к формированию интенсивных, исключительных взрослых отношений по сравнению с детьми, которых воспитывали в западных нуклеарных семьях. На мой взгляд, исключительное родительство одного лица одинаково плохо и для матери и для ребенка. Как я отмечала ранее, мать в таких обстоятельствах склонна слишком много вкладывать в отношения с ребенком. Похожим образом, думаю, и детям лучше в ситуации, где любовь и отношения не становятся предметом контроля и манипуляции одного человека.

Современная организация родительства отделяет детей от мужчин. Большинство специалистов заявляют, что дети должны проводить какое-то время с мужчинами, но есть сомнения, должно ли это время быть эквивалентно по эмоциональному качеству тому времени, которое ребенок проводит с женщиной. Так как эти специалисты озабочены тем, чтобы ребенок усвоил надлежащую тендерную роль, они считают, что отец должен играть не такую роль, как мать. Отец должен стать преимущественно маскулинной ролевой моделью для мальчика и гетеросексуальным объектом для девочки, потому что традиционные тендерные роли и гетеросексуальные ориентации необходимы и желательны. Эти роли действительно важны для системы «пола/гендера», основанной на половом неравенстве, но не для социального выживания или свободной деятельности человека. Отец должен помочь ребенку в индивидуации и преодолении зависимости от матери. Но и эта зависимость, и соответственная первичная идентификация не создавались бы, если бы мужчина взял на себя исходные родительские обязанности.

С самого начала дети могут находиться в зависимости от людей обоего пола и формировать индивидуализированное чувство «Я» по отношению к обоим. Тогда маскулинность не будет связана с отрицанием зависимости и обесцениванием женщины. Женщина будет меньше озабочена индивидуацией, а у детей не разовьется страх перед всемогуществом матери и ожидание, что женственность предполагает наличие уникального самопожертвования. Все это ослабит потребность муж-

чины охранять свою маскулинность и контроль над социальными и культурными сферами, в которых женщину третируют как второсортное и беспомощное существо. Это также поможет женщине развить автономию, которой она часто бывает лишена из-за чрезмерной включенности в отношения.

Равенство в родительстве не будет угрожать первичному чувству тендерного «Я» (мы не знаем, правда, каким могло бы быть это «Я» в несексистском обществе). Как отмечает Столлер, что угодно может угрожать первичному чувству гендерного «Я» у мужчины и при нынешнем положении вещей. Но это чувство «Я» не обязательно возникает из ролевого принятия. Когда это так, оно скорее является реактивным и защитным, чем безопасным и гибким. Личная связь и идентификация с обоими родителями может способствовать тому, что человек выберет ту деятельность, которую пожелает, не чувствуя при этом, что такой выбор подвергает опасности ее или его гендерную идентичность.

Я предполагаю, что равенство в родительстве сохранит у людей обоого пола их позитивные способности, но без тех деструктивных крайностей, тенденция к которым наблюдается сейчас. У каждого человека с опытом хороших первичных отношений есть основание для проявления заботы и любви. Женщина не утратит эти способности, даже когда их обретет мужчина. Мужчина сможет сохранить автономию, возникшую из дифференциации, не делая эту дифференциацию ригидной и реактивной. А у женщины появится возможность ее обрести. Выбор сексуального партнера станет более гибким, менее вымученным.

Мне бы хотелось думать, что можно просто инициировать такие трансформации в масштабах всего общества. Однако материнская роль женщины связана с многочисленными аспектами нашего общества, является фундаментальной для нашей идеологии тендера и многим выгодна. Это главная характеристика системы «пола/гендера». Материнская роль женщины создает гетеросексуальную асимметрию, которая воспроизводит систему семьи и брака, при которой женщине остается удовлетворять свои потребности, заботясь о детях, а мужчине — реализовывать свои способности, участвуя в отчужденном мире труда. Это создает психологию мужского доминирования и страха мужчины перед женщиной. Это формирует основу разделения социума на неравноценные приватную и публичную сферы, отданные людям разного тендера.

Материнская роль женщины также является важнейшим связующим звеном между современной организацией тендера

и организацией производства. Она определяет появление мужчины с личностными качествами и психической структурой, подходящими для участия в капиталистическом мире труда. Идеологически обязанности женщины-матери простираются вплоть до обязанностей женщины-жены эмоционально восстанавливать и поддерживать работающего мужа. Допущение, будто социальная организация родительства является естественной и единственно возможной (забота женщины о ребенке неотделима от ее детородной функции, по биологическим причинам женщина является лучшим родителем, чем мужчина, женщина обязана быть матерью по моральным соображениям), продолжает служить обоснованием невозможности изменений в социальной организации тендера. Понятно поэтому, что самое сильное сопротивление изменениям в системе «пола/гендера» возникает как раз вокруг вопроса о социальных материнских функциях женщины.

В наше время требования к ролям, заданным системой «пола/гендера», создали широко ощущаемое неудобство и вызывают сопротивление. Аспекты этой системы пребывают во внутреннем кризисе и в конфликте с экономическими тенденциями. Изменение, конечно, произойдет, но результат его неясен. Ликвидация современной организации родительства в пользу эгалитарной системы, при которой мужчина и женщина одинаково ответственны за уход и воспитание, стала бы огромным общественным продвижением. Такой исход исторически вероятен, но далеко не неизбежен. Подобные подвижки не возникают просто потому, что они лучше для «общества» или для некоторых (обычно не облеченных властью) людей. Они зависят от организации сознания и от деятельности женщин и мужчин, которые понимают, что в их интересах трансформировать социальную организацию тендера и ликвидировать половое неравенство.